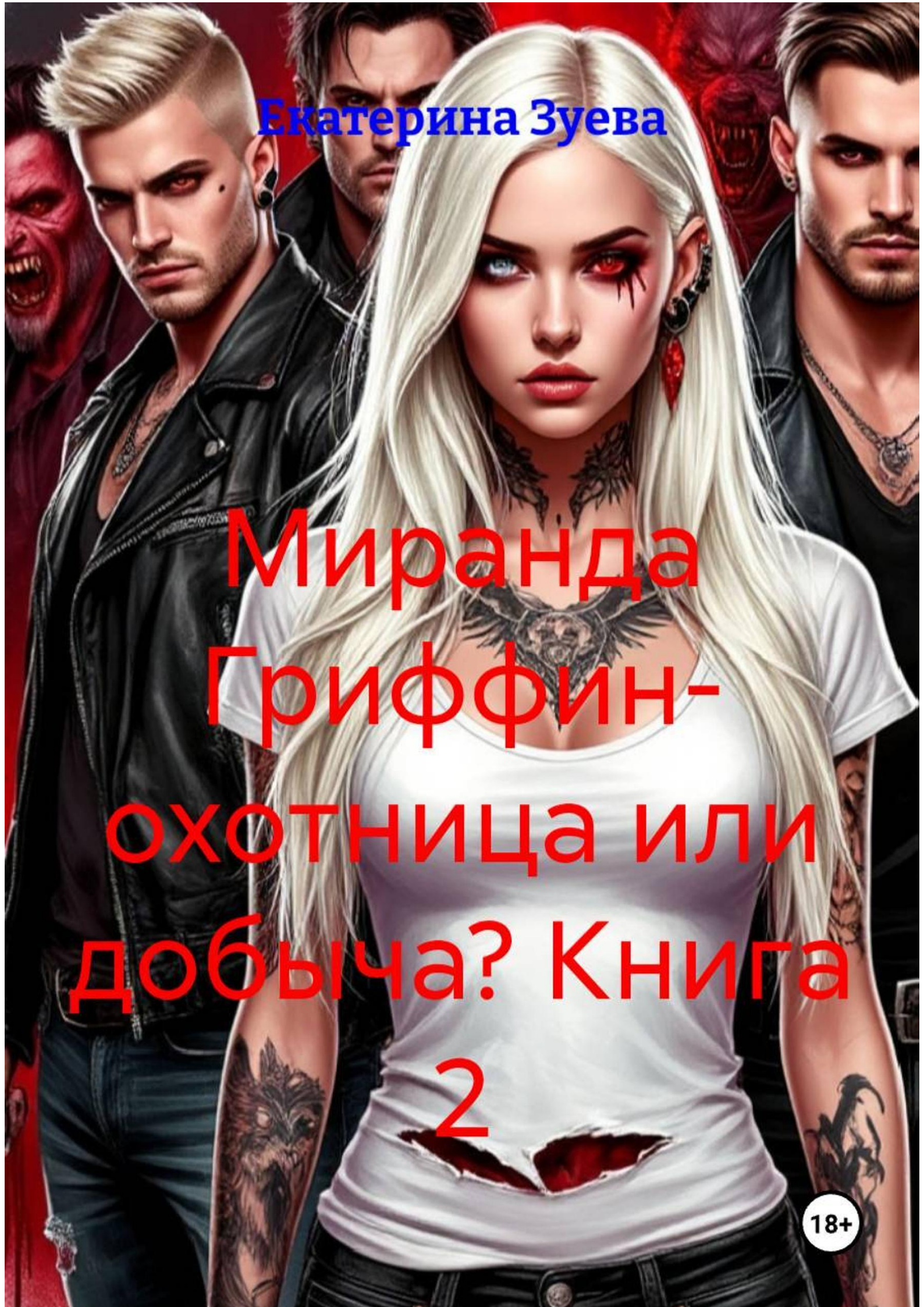

Екатерина Зуева

Миранда
Гриффин-
охотница или
добыча? Книга
2

18+

Екатерина Зуева

**Миранда Гриффин- охотница
или добыча? Книга 2**

«Автор»

2026

Зуева Е.

Миранда Гриффин- охотница или добыча? Книга 2 / Е. Зуева —
«Автор», 2026

Я шла через лес, и каждый шаг давался с трудом. Не потому, что я была слаба. Наоборот — тело гудело от нечеловеческой силы. Кровь — их кровь — всё ещё пульсировала во мне, разгорячённая недавней резнёй. Я чувствовала вкус смерти на языке. Металлический, солоноватый, отвратительный — и в то же время притягательный. Это пугало больше всего. Кевин шёл впереди, прокладывая путь. Самуэль и Рид замыкали — их тени скользили по снегу бесшумно, как призраки. Они не задавали вопросов. Может, потому что знали ответы. Может, потому что боялись меня. В их взглядах я читала что-то среднее между уважением и ужасом.

© Зуева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Снег и тишина.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Екатерина Зуева

Миранда Гриффин- охотница или добыча? Книга 2

Глава 1: Снег и тишина.

Снег падает мне в глаза, и я моргаю.

Это первое движение, которое я осознаю целиком — веки смыкаются, ресницы слипаются от холода, и когда я открываю их снова, мир не становится понятнее. Надо мной серое небо. Оно движется рывками — нет, это я лежу на спине, а снег засыпает меня живьем, превращая в сугроб.

Я поднимаю руку.

Белое платье. Длинные рукава, широкий подол, ткань намокла и прилипла к телу, как вторая кожа. Откуда оно? Я провожу ладонью по груди, по животу — пальцы натываются на мокрую материю и больше ни на что. Ни куртки, ни пальто. Ничего.

Тело деревянное. Я сажусь, и позвоночник скрипит, будто ржавые петли. Голова кружится — снежинки летят не вниз, а в стороны, и на секунду мне кажется, что небо и земля поменялись местами.

Я смотрю на свои руки.

Белая кожа. Слишком белая. Голубоватые вены просвечивают на запястьях, и там, где тонкая кожа натягивается на косточки, чернеют две татуировки.

Две линии. Переплетенные. Острые углы, резкие изломы — рисунок чужой, но смотрится так, будто был на мне всегда. Я провожу пальцем по правому запястью — кожа гладкая, не воспаленная, даже не шершавая. Не новое. Не мое. Мое? Я не знаю.

Я провожу по левому — и по позвоночнику пробегает ток.

Болезненный. Горячий. Такой сильный, что перехватывает дыхание. Я закрываю глаза, а под веками — вспышка. Чей-то силуэт. Светлый. Высокий. Руки, сжимающие мое лицо.

— А-а-а, — вырывается из горла хрип.

Ничего. Вспышка гаснет, как спичка под снегом. Я открываю глаза — надо мной только небо, сосны и тишина.

Лес.

Сосны в снежных шапках стоят стеной, ветки провисают под тяжестью. Ни ветра. Ни звука. Только снег падает — густой, крупный, он забивается за воротник платья, тает на шее и стекает за шиворот ледяными пальцами.

Я встаю.

Ноги подкашиваются — колени дрожат, я хватаюсь за ствол ближайшей сосны, и кора царапает ладонь. Больно. Хорошо. Значит, я живая.

Я смотрю вниз.

Босые ноги. Пальцы покраснели, почти посинели, ногти побелели. Я шевелю ими — слушаются плохо, будто чужие. Снег доходит до щиколоток, и когда я делаю первый шаг, он хрустит под подошвой так громко, что эхо разносится между стволами.

Второй шаг. Третий.

Я иду сквозь лес, не зная куда. Сосны расступаются, пропускают меня, ветки цепляются за рукава, осыпают лицо холодной пылью. Платье намокает до пояса, тянет вниз, и каждый шаг дается тяжелее.

Я не знаю, как долго я иду. Минуты? Часы? Снег стирает время.

Главное — не останавливаться.

Лес кончается внезапно — сосны расступаются, и я выхожу на трассу.

Асфальт угадывается только по темным полосам — редкие машины проехали, продавили колею. Снег почти замел следы, но дорога здесь есть. Жизнь. Люди.

Я выхожу на обочину. Снег лепит волосы — длинные, ниже лопаток, они падают на лицо белыми прядями, и я не помню, чтобы у меня были такие волосы. Пепельные. Белые. Мертвые.

Или просто другие.

Я иду вдоль трассы. Ветер бьет в спину — наконец-то становится холодно. По-настоящему. Пальцы ног немеют первыми, потом ступни, потом икры. Я перестаю чувствовать ноги, но продолжаю идти — переставляю их механически, как марионетка, у которой кто-то дергает за нитки.

Машины проезжают мимо.

Первая — темный седан, он сигналит и проносится так быстро, что снег с обочины взлетает фонтаном. Вторая — синий пикап, водитель притормаживает, смотрит на меня, качает головой и едет дальше.

Никто не останавливается.

Я иду. Снег валит стеной.

Потом — звук.

Мотор. Низкий, урчащий, он приближается медленно, осторожно, будто водитель что-то высматривает на дороге. Я оборачиваюсь — фары режут сумерки, слепят снежную пелену, и я шурюсь, прикрываю лицо рукой.

Белый фургон.

Большой, высокий, с надписью на борту — я не успеваю прочитать, потому что машина тормозит рядом, и дверь со скрежетом открывается.

Из теплого нутра выпрыгивает девушка.

Она почти одного роста со мной, но выглядит иначе — укутанная в толстый вязаный свитер серого цвета, с высоким воротом, который закрывает ей полщеи. В темных брюках, заправленных в меховые сапоги. На голове — шапка с большим розовым помпоном, который подпрыгивает при каждом движении.

Она хватает меня за руку.

— Девушка, что с вами случилось?

Голос звонкий, обеспокоенный. Из-под шапки выбиваются черные, как вороново крыло, пряди. Лицо бледное, с мелкими веснушками на переносице. Глаза карие, навывкате, за толстыми стеклами очков в черной оправе — они всё время сползают, девушка поправляет их нервным движением.

Я смотрю на ее руку. На моей коже — ее пальцы. Теплые. Живые.

— Вы вся ледяная! — она вздрагивает и кричит внутрь фургона, не оборачиваясь: — Томас! Томас, помоги!

Из фургона выходит парень.

И замирает.

Он высокий — выше меня на голову. Русые волосы коротко стрижены, но на лоб падает непослушная прядь, влажная от снега. Скулы острые, подбородок волевой — лицо красивое, но сейчас оно напряжено так, что желваки играют под кожей.

Глаза серые. Как это небо.

В них плещется что-то невероятное, почти испуганное.

На нем черная кожаная куртка, расстегнутая, под ней — простая серая футболка, натянувшаяся на широкой груди. Джинсы, тяжелые ботинки. В руке — ключи от фургона, он сжимает их так, что костяшки белеют.

— Томас! — девушка в очках хлопает его по плечу. — Не стой столбом, дай куртку!
Он не двигается.

— Миранда? — голос севший, хриплый. — Миранда... это ты?

Миранда.

Имя падает в пустоту внутри меня. Я жду — вспышку, боль, узнавание. Ничего. Тишина. Только холодное, спокойное знание: да, меня так зовут. И ничего больше.

— Ты ее знаешь? — девушка смотрит то на него, то на меня.

— Да, — выдыхает Томас. — Это Миранда. Мы учились в колледже. Вместе.

Колледж. Слово не вызывает ничего. Ни образа, ни запаха, ни звука.

— Бывшая твоя, что ли? — из фургона вылезает еще один человек.

Огромный. Он занимает весь дверной проем, плечи — под два метра, и даже в широкой куртке видно, какая под ней мощная фигура. Чернокожий, с гладко выбритой головой. Лицо квадратное, скулы широкие, челюсть тяжелая — как у боксера, который давно не проигрывал.

Глаза карие. Внимательные. Они ощупывают меня за секунду — от босых ног до белых волос. На нем черный водолаз, обтягивающий мощную шею и грудь, и темные брюки. Ботинки начищены до блеска — странно для такой погоды.

— Что тут происходит? — голос низкий, спокойный. Командирский. — Помощь нужна, Томас? Лидия?

— Да, Демиан, помоги, — девушка — Лидия — не выпускает моей руки. — Она вся ледяная.

Из фургона показывается еще одна голова.

Сначала я вижу только светлые волосы — собранные в небрежный пучок на затылке, несколько прядей выбились и обрамляют бледное лицо. Потом — глаза. Голубые, больные, с красными прожилками. Темные круги под ними такие глубокие, будто она не спала неделю.

Она кутается в синий халат поверх пижамы с рисунком из панд.

— Что случилось? — голос тихий, простуженный. Она кашляет в кулак.

— Кэролайн, — Демиан оборачивается к ней, и в его строгом лице вдруг появляется мягкость. — Не выходи из фургона. Ты только недавно выздоровела, холод тебе противопоказан.

Он машет ей, успокаивающе, как ребенку.

— Сиди в салоне, хорошо?

Блондинка послушно кивает и исчезает внутри.

Демиан спрыгивает на снег — даже не морщится. Подходит ко мне, присаживается на корточки — теперь мы на одном уровне. Он берет мое запястье, смотрит на секундомер на левой руке.

— Пульс частый, но нитевидный, — бормочет он. Глядит мне в глаза — щипает веки, смотрит на зрачки. — Реакция на свет замедленная. Дыхание поверхностное. Признаков обморожения третьей степени пока нет, но пальцы... — он трогает мои ноги, и я не чувствую прикосновения. — Лидия, помоги мне завести ее в фургон. Срочно.

Они берут меня под руки — Лидия слева, Демиан справа. Их руки теплые, сильные. Я почти не чувствую своих ног, но иду — переставляю их, как куклу.

Томас наконец приходит в себя.

Он срывает куртку — кожаная, тяжелая, она падает мне на плечи, и я слышу запах. Кожа, табак, и что-то горьковатое — полынь, или память. Запах ничего не пробуждает, но я задерживаю дыхание на секунду.

Томас смотрит на меня так, будто я должна его узнать.

Я — нет.

— Садитесь в машину, — голос срывается. — Нужно доставить ее в ближайшую больницу. Демиан, ты знаешь дорогу?

— Беннингтон, госпиталь Святого Креста, — Демиан уже в фургоне, он подхватывает меня под спину, затаскивает внутрь. — Поехали.

Внутри тепло.

Пахнет кофе, корицей и лекарствами — слышен тонкий запах ментола и какое-то шипение, будто работает увлажнитель воздуха. Кэролайн свернулась клубком на заднем сиденье, укрытая пледом с бахромой. На коленях — открытая коробка с леденцами от горла.

Лидия суетится рядом со мной, трясет сумку.

— Сними это, — кивает на мое платье. — Переоденься, пожалуйста. Ты вся мокрая, у тебя будет пневмония, если ты...

Она достает свитер. Оливковый, с высоким горлом — кашемир, мягкий, почти невесомый. Серые штаны из флиса — пушистые, теплые. Носки — розовые, со снежинками, шерстяные.

Я стягиваю платье через голову. Ткань липнет к телу, отдирается с противным хлюпающим звуком. Кэролайн тактично отворачивается, Демиан смотрит в окно — в зеркале заднего вида вижу, как он плотно сжимает губы.

Лидия помогает натянуть свитер. Он огромный — пахнет лавандой и еще чем-то сладким, ванилью, что ли. Штаны тоже велики — она подворачивает пояс два раза. Носки я натягиваю сама — пальцы не слушаются, они похожи на сосульки, и когда я шевелю ими, хрустит.

— Господи, — шепчет Лидия и отворачивается.

Я думаю, она плачет. Или нет — просто трет глаза под очками.

— Томас, поехали уже! — кричит Демиан. Двигатель ревет. Фургон дергается и выезжает на трассу.

Снег за окном валит стеной. Фары выхватывают из темноты только белое месиво, и кажется, что мы никуда не едем — стоим на месте, а мир кружится вокруг нас белой каруселью.

— Миранда.

Томас смотрит на меня в зеркало заднего вида. Глаза — два серых пятна, они блестят.

— Как ты здесь оказалась? В таком виде? Зимой? Босиком?

Я открываю рот. Закрываю.

— Я не помню, — голос чужой. Хриплый, будто я не пила несколько дней. — Я ничего не помню.

— Совсем? — Лидия садится рядом, берет меня за руку. Ее пальцы маленькие, на безымянном блестит серебряное кольцо. — Ты не помнишь, как оказалась в лесу?

Я мотаю головой. Белые волосы падают на лицо.

— Ничего. Последнее, что... ничего. Ни кто я, ни откуда. Только то, что вы сказали. Миранда.

— Диссоциативная амнезия, — Демиан поворачивается ко мне. Ему тесно — плечи упираются в крышу. — На фоне стресса, травмы или сильного эмоционального потрясения. Нужно сделать МРТ, исключить органическое поражение мозга. Ты помнишь, как тебя ударили? Падала? Теряла сознание?

Я провожу рукой по голове. Волосы мягкие, кожа не болит. Ни шишек, ни ран.

— Не знаю.

— А татуировки? — вдруг спрашивает Кэролайн. Она приподнимается на локте, смотрит на мои запястья. — Они у тебя давно?

Я смотрю на свои руки.

Две черные линии. Переплетенные. Под кожей — будто кто-то нарисовал их изнутри.

— Не помню.

— Станный рисунок, — Кэролайн щурится. — Похож на руны. Или какие-то древние символы.

Руны. Слово отзывается в груди глухим ударом. Я провожу пальцем по левому запястью — и снова этот ток. Горячий. Болезненный.

Образ.

Чьи-то губы на моих. Грубые. Настойчивые. Руки сжимают мои бедра, и я не могу дышать — не потому, что задыхаюсь, а потому, что теряю себя. Таю. Исчезаю в ком-то другом.

— Миранда? — голос Лидии пробивается сквозь пелену. — Ты где?

Я моргаю. Образ исчезает.

— Нигде. Я нигде.

Снег за окном не кончается. Фургон едет по трассе, и каждая миля отдаляется меня от леса, от той белой тишины, но не приближает к ответам.

— Мы едем в Беннингтон, — говорит Демиан, хотя я не спрашивала. — Там госпиталь. Я работал там три года назад, знаком со старшим врачом. Позвоню, предупрежу.

Он достает телефон, набирает номер. Короткие гудки, потом — голос на том конце провода.

— Маркус, привет. Это Демиан... Да, из хирургии... Слушай, везу пациентку, женщина молодая, полное нарушение памяти, сильное переохлаждение... Да, сознания не теряла, но амнезия полная... Хорошо, будем через двадцать минут.

Он сбрасывает вызов.

— Демиан — врач? — спрашиваю я. Голос всё еще чужой.

— Кардиоторакальный хирург, — Кэролайн улыбается — тепло, несмотря на усталость. — Он оперирует сердца. Представляешь? Берет отпуск, чтобы сопроводить меня на концерт, а сам всё равно в больницы звонит.

— Я не звоню, я консультирую, — бурчит Демиан, но в голосе сквозит усмешка.

— А мы — музыкальная группа, — продолжает Кэролайн. — Я пою, Лидия на клавишах, Томас на гитаре и пишет песни. Едем в Лос-Анджелес, выступить в «Беверли-Уилшир». Слышала про такой отель?

Я мотаю головой.

— Очень дорогой отель, — Кэролайн не обижается. — Нам безумно повезло. Томас добился этого контракта, он — душа нашей группы. Всё держится на нем.

Я смотрю на Томаса в зеркало. Он ведет машину сосредоточенно — руки на руле в десять и два, взгляд вперед, но челюсть сжата так, что скулы заострились.

— А Томас... он говорил обо мне? — вырывается у меня. — Раньше?

Тишина. Лидия сжимает мою руку.

— Он говорил, что в колледже у него была девушка, — она произносит это медленно, будто подбирает слова. — Что она была... необычной. Что он до сих пор иногда слушает песни, которые для нее написал.

Необычной.

Слово повисает в воздухе. Я смотрю на свои руки — на белые пальцы, на голубые вены, на татуировки. На пепельные волосы, падающие на плечи.

Что во мне необычного? Или что во мне — неправильное?

— А Лидия и Томас — они встречаются, — добавляет Кэролайн, будто боится, что я подумаю что-то не то. — Уже два года. Очень счастливы.

Лидия краснеет. Поправляет очки.

— Познакомились на джем-сейшне, — говорит она быстро. — Он играл соло, я под села к его клавишам и начала подыгрывать. Он потом сказал, что я украла его партию, но сделала это так красиво, что он не мог злиться.

Она улыбается — и у нее появляются ямочки на щеках. Красивая улыбка. Живая.

Я пытаюсь представить, что когда-то у меня была такая улыбка. Или кто-то, кто смотрел бы на меня так, как Лидия смотрит на Томаса.

Не получается.

В голове — чернота. Только там, за чернотой, в самом дальнем углу, кто-то ждет. Я чувствую его присутствие — тяжелое, горячее, как раскаленный камень. Он не приближается, но и не уходит.

Я закрываю глаза. Снег всё падает.

Фургон едет в Беннингтон.

А я еду навстречу тому, что потеряла — или тому, что убило меня.

Тишина в фургоне стала другой.

Не той пустой, холодной тишиной, что была в лесу, а тяжелой, набитой чем-то невысказанным. Я чувствовала ее кожей — она давила на плечи, на грудь, заставляла дышать чаще.

Томас молчал.

Но я видела его глаза в зеркале заднего вида. Они смотрели на дорогу, но не видели ее — взгляд ушел внутрь, в какое-то далекое, закрытое от всех место.

Он сжимал руль так, что пальцы побелели.

Я смотрела на его руки — широкие ладони, крепкие пальцы, на левом безымянном — тонкий серебряный перстень с выцветшей гравировкой. Демиан однажды назвал его «кольцо выпускника», но Томас тогда не поправил, просто кивнул, уйдя от ответа.

Теперь я понимала — нет. Не выпускника. Что-то другое. Или кто-то.

В моей голове — пустота. А в его, кажется, бушевал шторм.

Я не знала, о чем он думает. Но когда он бросил быстрый взгляд в зеркало и наши глаза встретились — на секунду, на одно короткое мгновение — я увидела боль. Глухую, затравленную, такую старую, будто он носил ее в себе годами.

Он отвел глаза первым. Посмотрел на снег, на дорогу, на мелькающие за окном сосны — куда угодно, только не на меня.

— Сначала отвезешь нас в госпиталь, Томас, — голос Демиана разрезал тишину, как нож. Спокойно, деловито, будто он сто раз уже так говорил: в машине, в операционной, в жизни. — Лидия, поможешь мне?

— Да, конечно, — Лидия кивнула, поправляя очки. Они снова съехали на кончик носа — казалось, она делала это каждые три минуты, машинально, как будто мир без этой привычки рассыпался бы.

— А мы? — Кэролайн приподнялась на локте, плед сполз с плеча, открывая бледную ключицу и синюю пижаму с пандами. В ее голосе прозвучало что-то жалобное, почти детское.

— А тебя Томас отвезет в отель, — Демиан повернулся к ней, и в его жестком, квадратном лице вдруг появилась мягкость — как у отца, который успокаивает ребенка перед уколом. — Когда мы убедимся, что с Мирандой всё хорошо, мы с Лидией приедем к вам.

— Но Демиан...

— Тебе нужен отдых, детка, — он перебил ее, но не грубо — устало, с той нежной властностью, которая рождается только из любви. — Тебе через неделю выступать. А твой голос еще не в норме.

Я заметила, как он сказал «неделю» — не «десять дней», не «скоро». Конкретно. Докторская привычка: точность даже в сроках болезни.

Кэролайн открыла рот, чтобы возразить — ее голубые глаза сверкнули упрямством, и на секунду я увидела в ней не болезненную блондинку, а ту, кто выходит на сцену под софиты и заставляет тысячи людей замереть.

Но Демиан был сильнее.

— Слушайся доктора, — сказал он, и в голосе прозвучала улыбка. Теплая. Усталая. — Мы уже почти приехали. Скоро будет темно.

Я посмотрела в окно. Снег все падал, но небо потемнело — серые сумерки сгущались в сизые, почти черные. Деревья мелькали реже, вместо них появлялись дома — сначала редкие, потом чаще, а потом и огни. Желтые, теплые, живые.

Город.

Кэролайн вздохнула — глубоко, с хрипотцой — и откинулась на сиденье, укутываясь в плед.

— Ты не против, если Лидия останется со мной? — спросил Демиан у Томаса.

Томас ответил не сразу. Секунда. Две. Снег хрустел под колесами, фургон мягко покачивало на ухабах.

— Нет, конечно не против, — его голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

И снова — взгляд в зеркало. Быстрый, как удар. В глазах — боль.

Или мне показалось?

Госпиталь Святого Креста оказался большим серым зданием в три этажа, с широкими окнами и красной вывеской, которая горела в сумерках, как кровавая рана. Парковка была почти пуста — только несколько машин, засыпанных снегом по самые окна.

— Давай, — Демиан хлопнул дверью фургона и обошел машину, открывая мою дверцу с моей стороны. Снег хрустнул под его ботинками — тяжело, основательно. — Лидия, придержи дверь.

Снег все еще падал. Крупный, липкий, он тут же растаял на моем лице, на шее, на руках. Я сделала шаг из фургона — и ноги подкосились. Демиан подхватил меня под локоть, не давая упасть. Его рука — как стальной обруч: крепкая, надежная, не дрогнувшая ни на миллиметр.

— Тихо-тихо, — сказал он. — Я держу.

Лидия захлопнула дверцу фургона и встала с другой стороны. Она была ниже меня на полголовы, но поддерживала так, будто весила я не больше пустой сумки.

— Может, коляску? — спросила она, глядя на Демиана поверх моей головы.

— Успеем, — ответил он. — До приемного покоя двадцать метров. Не замерзнешь?

Вопрос был мне. Я покачала головой — скорее движение, чем ответ.

Двадцать метров по снегу босиком. Но я уже не чувствовала холода — только их руки: горячие, живые, держащие меня на грани между падением и потерей себя.

Стеклянные двери разъехались с тихим шипением, и нас накрыло больничным теплом.

Запах. Стерильный, резкий — антисептики, хлорка, лекарства. Этот запах ударил в нос, и на секунду мир перед глазами поплыл. Я зажмурилась.

— Приехали, — сказал Демиан. — Теперь ты в безопасности.

Приемный покой оказался пуст. Белые стены, белый пол, белый свет — люминесцентные лампы гудели едва слышно, заливая все вокруг мертвенным сиянием. Несколько пластиковых стульев, сложенных вдоль стены. Стойка регистрации — за ней никого.

— Сейчас, — Демиан усадил меня на ближайший стул — пластик противно скрипнул под тяжестью. — Лидия, посиди с ней. Я найду дежурного.

Он ушел — широкие плечи, уверенная походка, человек, который чувствует себя в больнице как дома. Или как в крепости, которую он знает вдоль и поперек.

Лидия села рядом. Слишком близко — наши плечи соприкасались, и я чувствовала, как она дрожит. От холода или от волнения — не знаю.

— Ты как? — спросила она. Очки снова съехали — она поправила их привычным жестом.

— Не знаю, — ответила честно.

— Это нормально, — она улыбнулась, и я снова увидела ямочки на щеках. — Когда мне было семнадцать, я попала в аварию. Не помнила три дня. Потом всё вернулось — резко, как удар под дых. Но вернулось.

— Что было в аварии?

— Отец уснул за рулем, — она сказала это спокойно, будто о погоде. — Мы врезались в дерево. Он погиб. А я отделалась сотрясением и амнезией. Врачи сказали — организм заблокировал воспоминания, потому что они слишком болезненные.

Она замолчала. Я не знала, что сказать — пустота внутри не подсказывала нужных слов.

— Твоя память вернется, — добавила она тихо. — Просто может быть, ты не захочешь, чтобы она возвращалась.

Я посмотрела на свои руки. На татуировки. На белые пальцы, которые уже начали розоветь в тепле.

Может быть, она права.

Демиан вернулся через минуту. С ним — медсестра в светло-голубой униформе, пожилая женщина с седыми кудряшками и усталыми глазами.

— Вот наша пациентка, — Демиан кивнул на меня. — Сильное переохлаждение, амнезия, возможно, черепно-мозговая травма. Нужно МРТ, анализы крови, осмотр невролога.

Медсестра посмотрела на меня — быстрым, профессиональным взглядом.

— Имя?

— Миранда Гриффин, — сказал Демиан за меня.

Имя прозвучало в пустом коридоре — громко, чужеродно, будто он произнес заклинание, которое должно было меня призвать.

Но я не пришла. Я сидела на пластиковом стуле, в чужом свитере, с чужим именем, и ждала, когда мир станет реальным.

— Тогда пойдемте, мисс Гриффин, — медсестра взяла меня за руку — сухую, теплую, профессиональную. — Осмотрим вас.

Лидия пошла с нами. Демиан остался — сказал, что заполнит бумаги. У него был номер старого знакомого, какая-то протекция, какие-то связи, которые в больницах значат больше, чем здоровье пациента.

Меня провели в палату — небольшую, на две койки, но вторая была пуста. Окно выходило на парковку — я видела белый фургон, из которого только что вышла. Томас стоял рядом, опершись на капот, и курил.

Клубы дыма смешивались со снегом.

Он смотрел на больницу. На окна. Не знаю, видел ли он меня — но я видела его. Русые волосы влажные от снега, куртка расстегнута, лицо бледное, почти такое же белое, как я сама.

Он стоял так минуту. Потом выкинул сигарету в снег, открыл дверцу фургона и помог Кэролайн выбраться наружу. Та что-то сказала ему — я видела, как шевелятся ее губы. Он покачал головой, указал на больницу, потом куда-то в сторону.

Спор? Или просто усталость?

Кэролайн посмотрела на больницу — на мое окно, увидела меня, помахала рукой. Я подняла ладонь в ответ — слабо, неуверенно.

Она улыбнулась — шире, чем я ожидала. И кивнула, будто обещая, что все будет хорошо.

Потом Томас усадил ее в фургон, обошел машину, сел за руль. Двигатель взревел. Белый фургон медленно выехал с парковки, мигнул поворотником и исчез за углом, оставляя за собой клубы выхлопного газа и падающий снег.

Я осталась одна.

— Мисс Гриффин, — медсестра тронула меня за плечо. — Нам нужно снять с вас одежду. Я принесу больничную пижаму.

Я кивнула, не отрываясь от окна. Фургон уехал. Томас увез Кэролайн в отель, отель, где они должны были выступать через неделю. А я осталась здесь — в белой комнате, под белым светом, с белой пустотой внутри.

Медсестра вернулась с пижамой — полосатой, больничной, пахнущей стиральным порошком и чем-то стерильным. Помогла переодеться — свитер Лидии, штаны, носки сложила аккуратно на стул.

— Вот, — она протянула мне халат — синий, слишком большой. — Надевайте.

Я надела. Ткань шуршала, холодила кожу — но в палате было тепло, батареи гудели, и к щекам постепенно возвращался розовый цвет.

— Сейчас придет доктор, — медсестра поправила подушку на койке. — Отдыхайте.

Она вышла, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна в тишине.

Снег за окном все падал. Белый фургон не вернулся. Я смотрела на следы от шин — они медленно заносило, стирая последние доказательства того, что кто-то вообще останавливался на этой парковке.

— Кто я? — спросила я у снега.

Снег не ответил.

Я легла на койку, свернулась калачиком, чувствуя, как больничная простыня холодит щеки. Глаза закрылись сами собой.

В темноте под веками кто-то ждал.

Высокий. Светлый. С глазами, которые горели алым — как угли, как кровь, как обещание боли.

— Киану, — прошептала я, сама не зная, откуда взялось это имя.

Тьма сжалась — и я провалилась в сон без снов.

Тени прошлого

Лаборатория утонула в полумраке.

Только экраны мониторов мерцали голубоватым светом, отражаясь от стеклянных колб и хромированных поверхностей. Воздух пах озоном, стерильностью и чем-то сладковатым — кровью. Его кровью. Моей кровью.

Кевин стоял у криокамеры, в которой два года покоилось мое тело.

Белое. Неподвижное. Мертвое.

Он проводил пальцами по холодному стеклу — медленно, почти нежно, будто гладил мое лицо через прозрачную преграду. Его пальцы были длинными, холеными — руки аристократа, который никогда не знал тяжелого труда. Но сейчас они дрожали.

— Она ушла, — голос Аманды Стоун прозвучал из угла лаборатории.

Ученая стояла у стойки с пробирками, в белом халате, накинутом поверх темного платья. Ее светлые волосы были стянуты в тугий пучок, ни единой выбившейся пряди — как и ее жизнь, всё по полочкам, всё под контролем. Только глаза — слишком яркие, слишком живые для человека, который провел последние два года, воскрешая мертвых.

— Я знаю, — Кевин не обернулся.

— Вампиры прочесали лес. Они вышли на трассу. Следы ведут к фургону.

— Чей фургон?

— Пока не установили. Но запахи зафиксировали. Четверо. Двое мужчин, две женщины. Один из них — целитель. Пахнет антисептиками и кровью. Хирург.

Кевин наконец повернулся.

Он изменился за эти два года.

Раньше его светлые волосы падали почти на плечи — длинные, почти женственные, он носил их с вызывающей небрежностью, перетягивая кожаным шнурком. Теперь — короткая стрижка. Волосы чуть длиннее, чем у солдата, но уже не спадают на лоб, открывая высокий чистый лоб и острые скулы. Это делало его моложе. И опаснее.

На нем любимый костюм-тройка — темно-синий, почти черный, с тонкой белой полоской, которую видно только под определенным светом. Пиджак сидит идеально — ни складки, ни лишнего миллиметра ткани. Жилет обтягивает широкую грудь, под ним — белоснежная рубашка с запонками из черного оникса. В нагрудном кармане — алая роза.

Живая.

Ее лепестки еще блестели от капель воды, которые осел на них в холодильнике. Кевин менял розу каждое утро — свежую, только что срезанную в своей оранжерее. Он прикалывал ее к лацкану пиджака с той же тщательностью, с какой древние цари надевали короны.

Брюки отглажены до остроты — линия как лезвие. Туфли ручной работы из черной кожи начищены до зеркального блеска — в них можно смотреться, как в воду.

Серые глаза, глубокие, как омуты — смотрели на Аманду без выражения. Но внутри них — там, где человеческий глаз не видит — тлел огонь.

— Она жива? — спросил Кевин.

— Да. Полностью. Физически здорова. Памяти нет.

— Память вернется, — он сказал это так, будто речь шла о погоде. — Кровь Киану в ней. Рано или поздно она вспомнит.

Аманда сделала шаг вперед, и свет упал на ее лицо — бледное, с резкими чертами, с тонкими губами, которые редко улыбались. Она была красива той холодной красотой, которая отпугивает, а не привлекает.

— Вы хотите, чтобы я продолжила исследования?

— Да. — Кевин подошел к другой криокамере.

Внутри — он.

Киану.

Белые волосы разметались по подушке — такие же пепельные, как у меня сейчас. Лицо спокойное, почти счастливое — будто он не умер, а уснул, увидев хороший сон. На правой руке — те самые татуировки. Переплетенные руны. Теперь такие же — на моей руке.

Кевин смотрел на брата долго. Молча.

— Он отдал часть себя, — сказал он тихо. — Эти татуировки... они были его меткой. Его сущностью. Он вплел их в нее, когда... когда она воскресала. Неосознанно. Или осознанно — кто знает.

— Без его крови воскрешение было бы невозможно, — кивнула Аманда. — Элайджа гений. Я гений. Но даже мы не смогли бы сделать это без того, что он вложил в нее.

Кевин улыбнулся — впервые за два года.

Улыбка у него была странная — не теплая, не холодная, а какая-то... потерянная. Будто он забыл, как это делается, и теперь учился заново.

— Аманда Стоун, — произнес он, растягивая слоги. — Элайджа Кроу. Вы — гении в сфере... как это называется?

— Нанки, — подсказала она. — Нанотехнологии. Регенеративная медицина. Но ваша кровь... ваша биология... это не наука, Кевин. Это магия. Чистая, древняя магия.

— Не важно, — он отмахнулся. — Главное — результат. Он повернулся к криокамере с Киану — последний раз перед уходом.

— Теперь нужна ее кровь, — сказал он. — Чтобы воскресить его. Кровь Миранды. Та, что течет в ней сейчас — с его меткой, с его сущностью. Она — ключ.

— Если она не вспомнит...

— Вспомнит, — перебил Кевин. — Я заставлю.

Он вышел из лаборатории, и его шаги затихли в коридоре.

Аманда осталась одна. Посмотрела на Киану — на его лицо, на белые волосы, на татуировки.

— Ты бы улыбнулся сейчас, — сказала она ему. — Сказал бы что-нибудь дурацкое. Разрядил обстановку. Ты всегда умел это делать.

Киану молчал.

— Светловолосый болван, — добавила она тихо. — С серыми глазами, в которых эти дурацкие золотые искорки. Гибрид. Полуоборотень, полувампир. И самый живой из всех мертвецов, которых я видела.

Она положила руку на стекло.

— Просыпайся, Киану. Твоя девочка вернулась.

Лес стонал.

Ветки трещали под ногами вампиров — десятки теней скользили между соснами, обнюхивая снег, землю, воздух. Их глаза горели в темноте красным, как угли в костре.

— След ведет на трассу, — доложил один из них — высокий, с длинными черными волосами, стянутыми в хвост. — Запах бензина, кожи, табака. Четверо — двое мужчин, две женщины.

— Кто-то из них знакомый? — спросил Кевин, не глядя на докладчика.

— Нет, господин. Целитель. Пахнет больницей.

— Хирург? — Кевин усмехнулся. — Интересно.

— Прикажете выследить? — Нет. — Кевин поднял руку — и все вампиры замерли, как по команде. — Пока не нужно. Пусть она думает, что сбежала. Пусть поживет... эту жизнь. Которую мы у нее отобрали.

— Но господин...

— Я сказал — нет.

Ищейки исчезли в темноте — бесшумно, как призраки.

Кевин остался один.

Он смотрел на трассу — туда, где снег уже почти замел следы фургона. Поднял воротник пальто — черного, длинного, почти до пят. Роза на лацкане алела, как капля крови.

— Миранда, — произнес он ее имя так тихо, что даже ветер не услышал. И исчез.

Маркус не спал уже третьи сутки. Он сидел на корточках у костра — в лесу, в глуши, где никто не найдет. Волосы спутались, отросли и теперь падали на лицо темными, жесткими прядями. Борода — седая, хотя ему было чуть больше тысячи лет — покрывала нижнюю половину лица.

Он выглядел как дикарь. Как зверь, который потерял стаю.

Рубашка — грязная, в пятнах крови. Не его. Тех, кто попадался на пути — оборотней, ведьм, вампиров из вражеских кланов. Он бросался в драку без разбора, без плана, без желания победить.

Он хотел проиграть.

Он хотел, чтобы кто-то сильный нашел его — охотники, совет старейшин, кто угодно — и вырвал его сердце.

Как он вырвал мое.

Маркус смотрел на огонь, и в отблесках пламени его лицо казалось маской — застывшей, пустой. Но внутри — там, где когда-то билась любовь, теперь зияла дыра.

— Мария, — прошептал он, и имя обожгло губы, как кислота.

Он все понял.

Понял, когда увидел ее улыбку — ту, которую она не смогла скрыть в момент, когда его рука вошла в мою грудь. Ту, которая растянула ее губы, когда я падала, истекая кровью, с его именем на губах.

Не его. Киану.

Я звала Киану.

Мария улыбалась. Потому что ее мать — Моргана — наконец отомстила. Отомстила за мужа, за отца, за ту жизнь, которую у нее отнял Александр Донариус — их отец. Отец Кевина, Маркуса и Киану.

А я была лишь орудием. Ножом в руках Морганы. Кровью на ее клинке.

Маркус закрыл глаза.

— Прости, — прошептал он в пустоту. — Прости меня, Миранда.

Он не знал, что я жива.

Никто не сказал ему, что мое тело лаборатории. И когда я воскресла, Кевин боялся — боялся, что Маркус, узнав, что я воскресла, придет и... что? Закончит начатое? Или бросится к моим ногам, умоляя о прощении?

Кевин не знал. И потому молчал.

А Маркус страдал. Два года. Днем и ночью.

Он ходил по лесам, как призрак. Нападал на врагов, но никогда не убивал до конца — оставлял их в полуживом состоянии, чтобы они привели подкрепление, чтобы кто-то наконец прикончил его.

Никто не приходил.

Он был слишком силен для них. Слишком страшен. Легенда, о которой рассказывали шепотом — тысячелетний вампир, который сошел с ума и ищет смерти.

Но смерть не приходила.

Смерть боялась его.

— Вы не можете здесь спать, мисс.

Лидия открыла глаза. Она сидела на пластиковом стуле в коридоре госпиталя, поджав под себя ноги. Шапка с помпоном съехала набок, очки сползли почти до кончика носа. Во рту пересохло, шея затекла.

— Я... — она моргнула, пытаясь понять, где находится.

— Лидия, — голос Демиана прозвучал откуда-то сверху. — Я говорил тебе идти в комнату ожидания. Там диван.

— Я не хотела оставлять ее одну, — Лидия потерла глаза. — Как она?

— Спит. Медсестра сказала, что температура пришла в норму. Завтра утром невролог ее посмотрит.

— Анализы? — Капельницу поставили с физраствором и витаминами. Обморожения нет — чудо, учитывая, что она босиком по снегу шла. Признаков травмы головы тоже нет.

— И что это значит?

Демиан сел рядом. Стул жалобно скрипнул под его весом.

— Это значит, что амнезия — психогенная. Органических повреждений нет. Ее мозг... просто заблокировал воспоминания. Как защитный механизм.

— То есть она сама не хочет помнить?

— Или не готова.

Лидия замолчала. В коридоре было тихо — только где-то далеко, за несколькими дверями, плакал монитор, и слышались приглушенные голоса ночной смены.

— Томас звонил, — сказала она. — Они в отеле. Спросил, как у нас дела.

— И что ты сказала?

— Правду. Что она спит, что ты договорился с неврологом, что мы остаемся до утра.

— Он волнуется?

— Очень, — Лидия посмотрела на Демиана. — Он рассказал мне кое-что. Пока ты разговаривал с доктором.

— Что именно?

— Прошрое. Общее. С ней.

Демиян не спросил — что именно. Не его история, не его тайна.— Он любит ее до сих пор? — спросил он только.

Лидия долго молчала.

— Не знаю, — ответила наконец. — Может быть. Но не так, как она думает. Не романтически. А... как вину. Многолетнюю, тяжелую вину, которую он носит в себе и не может сбросить.

— Ты не боишься?

— Чего?

— Что он выберет ее. Если она вспомнит.

Лидия улыбнулась — той самой улыбкой с ямочками на щеках, но в глазах была грусть.

— Нельзя выбрать то, что никогда не было твоим, — сказала она. — Я люблю Томаса. Но я знаю — часть его сердца всегда принадлежала ей. И не потому, что он хочет быть с ней. А потому, что он не может простить себе то, что сделал.

— И что же он сделал?

Лидия покачала головой.

— Это не мне рассказывать.

Они замолчали. Свет в коридоре мигнул — дежурная лампа перешла в эконом-режим. Где-то за окном все еще падал снег.

Никто не заметил тени.

Она скользнула по коридору бесшумно, быстрее, чем глаз мог уловить. Мимо поста медсестер — та как раз отвернулась, чтобы налить себе кофе. Мимо палаты с пожилым мужчиной, который спал с открытым ртом. Мимо двери, за которой кто-то тихо стонал во сне.

Остановилась у палаты номер двенадцать.

Кевин возник из темноты, как призрак — бесшумный, плавный, опасный. Его костюм не помялся, туфли не скрипнули. Роза на лацкане алела, как маяк в полумраке больничного коридора.

Он не вошел — просочился.

Дверь открылась и закрылась без звука — будто и не открывалась вовсе.

Палата.

Белые стены. Белый потолок. Окно, за которым снег. И койка, на которой свернулась она.

Миранда.

Кевин замер у двери.

Он видел ее мертвой два года. Видел белое лицо, закрытые глаза, неподвижную грудь. Видел, как Аманда вживляет в ее тело нанороботов, как Элайджа капает в вену кровь Киану, как запускается сердце — сначала слабо, с перебоями, потом ровно, сильно, как у живого человека.

Он присутствовал при воскрешении, точнее при попытках воскресить.

Но сейчас — сейчас она была живой.

Ее грудь поднималась и опускалась — медленно, глубоко. Ресницы дрожали — ей снилось что-то. Губы шевелились — она произносила слова, которые он не мог разобрать.

На ее правой руке — татуировки. Те самые. Его брата.

Кевин подошел к койке.

В руке он держал розы — три алых бутона, перевязанных черной лентой. Он взял их из своей оранжереи за час до этого — свежие, пахнущие утром и землей. Аманда сказала — роза символизирует тайну. И молчание.

Он положил цветы на тумбочку.

— Миранда, — прошептал он.

Она не проснулась.

Кевин сел на край койки — осторожно, чтобы не разбудить. Кровать скрипнула под его весом, но она спала — слишком глубоко, слишком беззащитно.

Наклонился.

Почувствовал ее запах — тот самый, который сводил его с ума в первые дни. Кровь охотника. Кровь, которая позволяла вампирам не гореть на солнце. Кровь, которая притягивала его как наркотик.

Ее губы были приоткрыты — розовые, чуть потрескавшиеся от холода и обезвоживания.

Кевин закрыл глаза.

И поцеловал ее.

Легко. Почти невесомо. Губы коснулись губ — на секунду, на миг, на выдох.

Она не проснулась.

Он отстранился — медленно, будто отрывал себя от нее силой. Его карие глаза были закрыты — из-под ресниц выкатилась слеза. Одна. Прозрачная, соленая, человеческая.

— Отдыхай, Миранда, — сказал он шепотом. — Поживи пока этой жизнью. Которую мы у тебя отобрали.

Он встал. Посмотрел на нее — на белые волосы, разметавшиеся по подушке, на худые плечи, на сжатые в кулак пальцы.

— Когда вспомнишь — приходи, — добавил он. — Киану ждет тебя.

Пауза.

— И я тоже буду ждать.

Он исчез так же бесшумно, как и появился — тень, скользнувшая в ночь.

Розы остались на тумбочке. Алая капля на белом фоне.

Лидия ничего не заметила. Демиан не услышал. Медсестра не увидела.

Только мои ресницы дрогнули — чуть сильнее, чем от сна.

И на губах остался привкус — крови, роз и тысячелетней тоски.

В коридоре пикнул монитор. Снег все падал. А я спала — и не знала, что мир уже нашел меня.

Стеклянная комната.

Утро пришло не через окно — оно вползло под дверь вместе с запахом кофе и дезинфекции.

Я открыла глаза и первую секунду не поняла, где нахожусь. Белый потолок. Белые стены. Белый свет, который гудел где-то над головой, как рой насекомых. Больница. Правильно. Госпиталь Святого Креста. Меня привезли вчера. Или сегодня? Время потеряло форму.

Медсестра — та самая, с седыми кудряшками — уже возилась у тумбочки, проверяя какие-то бумаги. Увидела, что я проснулась, и улыбнулась — профессионально, но не холодно.

— Доброе утро, мисс Гриффин. Как спалось?

Я села на койке. Больничная пижама сбилась, халат сполз с плеча. Поправила.

— Не помню.

— Это нормально, — она налила воду в пластиковый стаканчик, протянула мне. — Сны часто не запоминаются после таких состояний. Невролог придет через час. А пока — завтрак.

Она указала на поднос, который я не заметила: овсянка, тост, яблоко и чай в одноразовом стакане. Еда выглядела как картинка из дешевого каталога — слишком идеальная, чтобы быть настоящей.

— Спасибо, — сказала я, хотя желудок сжался при виде еды.

Медсестра ушла. Я осталась одна с завтраком и мыслями, которых не было.

Потому что в голове — пустота. Абсолютная, стерильная, как эта палата.

Я съела овсянку. Она оказалась теплой, сладковатой — мед, наверное. Или сахар. Или просто обман языка, который не помнил, как должна выглядеть настоящая еда.

Тост я не тронула.

Невролог пришел ровно через час.

Высокий, худой, с жидкими седыми волосами, зачесанными на лысину. Белый халат сидел на нем как на вешалке — плечи слишком узкие, рукава слишком длинные. Очки в золотой оправе, тяжелые, сползли на кончик носа, и он то и дело подталкивал их указательным пальцем.

— Мисс Гриффин, — он пожал мою руку — сухо, быстро, будто боялся замараться. — Доктор Харрис. Демиан рассказал мне вашу историю. Очень... необычная.

Он усадил меня на край койки, посветил фонариком в глаза — сначала в правый, потом в левый.

— Реакция на свет нормальная. Зрачки сужаются. Хорошо. Потом — попросил коснуться пальцем носа, сначала правой рукой, потом левой. Я сделала.

Потом — провести по пятке левой ноги большим пальцем правой. Я сделала. Потом — улыбнуться, нахмуриться, показать зубы.

— Лицевая мимика сохранена. Мышечный тонус в норме. Рефлексы...

Он ударил меня молоточком под коленку. Нога дернулась.—

...присутствуют.

Он отложил молоточек, снял очки, протер их полкой халата. Посмотрел на меня — устало, с той профессиональной жалостью, которую врачи носят как щит.

— Физически вы здоровы, мисс Гриффин. Эмоционально — тоже, насколько я могу судить без полного психологического обследования. Ваша амнезия — диссоциативная. Это значит, что мозг не поврежден. Он просто... заблокировал воспоминания. Как компьютер, который завис и требует перезагрузки.

— Когда они вернутся? — спросила я.

— Не могу сказать. Может быть, через день. Может быть, через год. А может быть, никогда, — он надел очки обратно. — Но я склоняюсь к первому варианту. Вы слишком молоды, чтобы ваша память стерлась навсегда. Слишком... живая.

Живая.

Слово повисло в воздухе. Я посмотрела на свои руки — на татуировки, на белые пальцы. Живая. Да. Я дышу. Сердце бьется. Кровь течет по венам.

Но внутри — пустота.

— Вы можете покинуть больницу, — сказал доктор Харрис. — Демиан возьмет на себя формальности. Если у вас появятся головные боли, тошнота, галлюцинации — немедленно вернитесь. В остальном — вам нужен отдых и покой. И, возможно, психотерапевт.

Он вышел. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Я осталась одна.

Демиан пришел через пятнадцать минут. С ним — Лидия.

Она была в том же свитере, что и вчера, но волосы зачесаны в небрежный пучок, и на щеках появился румянец — или от тепла, или от волнения.

— Ну что? — спросила она, не дожидаясь моего ответа. — Доктор сказал, ты здорова!

— Сказал, — я кивнула. — Память может вернуться. А может и нет.

— Вернется, — Демиан подошел к окну, посмотрел на улицу. — Органических повреждений нет — это главное. Память не железная дверь, она просто... заперта. Нужно найти ключ.

— А где ключ? — спросила я.

Он обернулся. В его карих глазах мелькнуло что-то — тень, невысказанное, то, что он не мог сказать вслух.

— Не знаю, — ответил он. — Но мы поможем тебе его найти.

Лидия села на край койки, взяла меня за руку — ее пальцы были теплыми, шершавыми от постоянного мытья посуды и игры на клавишах.

— Демиан вызвал такси, — сказала она. — Поедем в отель. Томас и Кэролайн уже там.

— Я поеду с вами?

— Конечно, — она улыбнулась, и ямки на щеках стали глубже. — Ты поживешь у нас, пока не решишь, что делать дальше. У тебя нет ни документов, ни денег, ни... ничего. Но у нас есть место в номере. И лишняя кровать.

— Но вы парами...

— Девочки отдельно, мальчики отдельно, — Лидия пожала плечами. — Демиан решил. Он сказал, что так будет правильно. Я не спорила.

Я посмотрела на Демиана. Он стоял у окна, засунув руки в карманы брюк — черные, строгие, даже в такой ситуации он выглядел как врач, который собирается на операцию. Сосредоточенный. Спокойный. Надежный.

— Почему вы помогаете мне? — спросила я. — Вы меня не знаете. Я для вас — чужая.

— Ты не чужая, — ответил Демиан. — Ты — человек, который замерзал на дороге. Этого достаточно.

Лидия кивнула. В ее глазах блеснули слезы — или показалось.

— Идем, — сказала она, вставая. — Такси ждет.

Такси оказалось черным седаном с кожаными сиденьями и водителем, который не произнес ни слова за всю дорогу. Только включил приемник — играла старая песня, которую я не узнала. Гитара, голос, слова о любви и разбитых сердцах.

Я села на заднее сиденье между Лидией и Демианом. Лидия взяла меня за руку — машинально, будто мы знали друг друга годами. Демиан смотрел в окно. Я смотрела в свое отражение в стекле.

Белое лицо. Белые волосы. Белые глаза — нет, не белые. Карие. Мои. Но чужие.

Машина ехала по заснеженным улицам Беннингтона. Город просыпался — люди в пальто и шапках спешили по своим делам, дворники счищали снег с тротуаров, дети в пуховиках лепили снежков и кидались ими в витрины магазинов.

Обычная жизнь.

Которой у меня не было.

Я отвернулась от окна.

— Демиан, — спросила я. — Ты звонил моим родителям?

Он замер. Секунда. Две.

— Звонил, — ответил он тихо.

— И что они сказали?

Пауза стала длиннее. В салоне было слышно только шуршание шин по снегу и голос певца из приемника.

— Это не телефонный разговор, Миранда, — сказал Демиан, не поворачиваясь. — Давай сначала доедем до отеля. Там всё обсудим.

— Что значит — всё обсудим? — я почувствовала, как внутри поднимается что-то тяжелое, вязкое. Не страх. Не злость. Предчувствие.

— Скоро узнаешь, — ответил он.

И замолчал.

Лидия сжала мою руку крепче.

Я не стала спрашивать больше.

Отель назывался «Бeverли-Уилшир».

Высокое здание из стекла и бетона, с колоннами у входа и золотыми буквами на фасаде. Швейцар в ливрее открыл дверь такси, помог выйти. Лидия заплатила водителю — я видела, как она отсчитала купюры дрожащими пальцами.

— Не переживай, — сказала она, заметив мой взгляд. — Контракт всё покрывает. Даже такси.

Внутри было тепло и пахло дорогим парфюмом — ваниль, сандал, что-то цветочное, слишком сладкое. Люстры свисали с высокого потолка, сверкая хрусталем. Пол был мраморный, черно-белый, в шахматную клетку.

Я шла босиком.

Больничные тапки — на резиновой подошве, синие, с белыми полосками — скользили по мрамору, и я боялась упасть. Демиан взял меня под локоть.

— Держись за меня, — сказал он.

Мы поднялись на лифте на пятый этаж. Коридоры были длинными, с мягкими коврами и бра на стенах. Комнаты — с золотыми табличками, на которых были выгравированы номера.

— 512, — Лидия остановилась у двери. — Номер парней.

Она постучала — три удара, коротких.

Дверь открыл Томас.

Он был в джинсах и серой футболке, волосы влажные — видимо, только что из душа. Увидел меня — и замер. Как вчера. Как тогда, на трассе.

— Миранда, — выдохнул он.

— Здравствуй, Томас, — сказала я.

Он хотел что-то добавить, но в это время из глубины номера выбежала Кэролайн — в том же синем халате с пандами, но с уложенными волосами и легким макияжем. Глаза уже не такие больные — темные круги уменьшились, румянец появился.

— Вы приехали! — она обняла меня — неловко, порывисто, будто мы были старыми подругами. Я не знала, что делать с руками. — Проходите, проходите, я заказала завтрак, хотя уже почти обед, но разницы нет, главное — что вы здесь!

Она тянула меня за руку в номер. Я пошла.

Номер был большим — гостиная с диванами, креслами и журнальным столиком из темного дерева. Две спальни — двери открыты, видны кровати с белыми покрывалами и горы подушек. На стенах — картины в тяжелых рамах: морские пейзажи, лошади, цветы.

Томас закрыл дверь.

— Все здесь, — сказал он. — Можно начинать.

— Что начинать? — спросила я.

Он посмотрел на Демиана. Тот кивнул.

— Садись, Миранда, — Томас указал на диван. — Нам нужно поговорить.

Я села. Кэролайн села рядом — слишком близко, ее колено касалось моего. Лидия села в кресло напротив, сложив руки на коленях. Демиан остался стоять у окна — широкие плечи, скрещенные руки, лицо сосредоточенное.

Томас сел напротив меня — на журнальный столик, так близко, что я чувствовала запах его шампуня. Мята. И что-то горькое. Табак.

— Я должен тебе кое-что рассказать, — начал он. — И это будет трудно. Для нас обоих.

— Рассказывай, — сказала я.

Он глубоко вздохнул.

— Демиан позвонил твоим родителям.

У меня екнуло сердце. Или показалось.

— Твои родители — хирурги, — продолжил Томас. — Они работали в Англии, в клинике Святого Томаса в Лондоне. Отец — торакальный, мать — нейрохирург. Они... — он запнулся. — Они уволились три года назад.

— Уволились? — переспросила я. — Почему?

Томас посмотрел на Демиана. Тот кивнул снова.

— Потому что ты умерла, Миранда.

Тишина.

Сначала она была просто пустой — как та, в лесу. Потом — тяжелой, давящей, она сдавила горло так, что я не могла дышать.

— Я... умерла? — голос прозвучал чужой. Сломанный.

— Три года назад, — Томас произносил слова медленно, будто боялся, что они разобьются. — Они продали дом в Англии. Продали твою квартиру в Лос-Анджелесе. Оборвали все связи и уехали в неизвестном направлении. Никто не знает, где они сейчас.

— Три года назад, — повторила я. — Мне было... двадцать пять?

— Двадцать шесть, — поправил Томас. — Ты умерла в двадцать шесть. Сейчас тебе должно быть двадцать девять.

Двадцать девять.

Я подняла руку — посмотрела на нее. Белая кожа. Голубые вены. Татуировки.

— Но я жива, — сказала я. — Я здесь. Я разговариваю с вами.

— Мы знаем, — Кэролайн взяла меня за руку — ее пальцы были холодными, несмотря на теплый номер. — И мы не знаем, как это возможно. Но ты жива. И мы рады, что ты с нами.

Жива.

Я мертва.

Я жива.

Мысли путались, как нитки в клубке. Я закрыла глаза — и снова эта тьма под веками. И тот силуэт. Высокий. Светлый. С глазами, которые горели алым.

— Кто я? — прошептала я.

— Ты Миранда Гриффин, — сказал Томас. — Библиотекарь. Тебе двадцать девять лет. У тебя была квартира в Лос-Анджелесе, работа в публичной библиотеке на Голливуд-бульваре. Ты любила читать классику и пить кофе с корицей. И еще... у тебя была странная привычка. Ты всегда оставляла вторую половинку печенья на тарелке. Говорила, что это — на удачу.

Он говорил о ней — о той Миранде, которую знал. А я сидела и слушала, как о чужой.

— Я ничего не помню, — сказала я. — Ни родителей. Ни себя. Ни библиотеку. Ни... ничего.

— Это нормально, — Демиан наконец отошел от окна, подошел ко мне. — Память вернется.

— А если нет?

— Тогда мы поможем тебе создать новую.

Я посмотрела на него. На его квадратное лицо, на спокойные карие глаза, на мощные плечи, на которых держался этот разговор — и, кажется, вся наша маленькая группа.

— Почему вы помогаете мне? — спросила я снова. — Вы могли оставить меня в больнице. Передать соцслужбам. Уехать в свой Лос-Анджелес и забыть.

— Потому что, — Лидия встала, подошла ко мне с другой стороны, — мы не такие люди. И потому что это — судьба.

— Судьба?

— Да, — она улыбнулась — и в ее глазах блеснули слезы. — Именно мы нашли тебя на дороге. Именно мы ехали в тот момент. Именно мы остановились. Это не случайность, Миранда. Это знак.

— Какой знак?

— Что мы должны быть рядом, — сказал Томас. — Что мы не должны оставлять тебя одну.

Я смотрела на них — на четырех незнакомцев, которые стали моими спасителями. Томас — мое прошлое, которого я не помнила. Лидия — незнакомая девушка с теплыми руками и ямочками на щеках. Кэролайн — больная блондинка, которая все равно нашла в себе силы меня обнять. Демиан — хирург, который носил в себе спокойствие и надежность, как скальпель в кармане.

— Я не знаю, что делать, — сказала я, и голос дрогнул. — У меня нет документов, нет денег, нет... ничего. Только вы.

— Этого достаточно, — Кэролайн погладила меня по руке. — Мы что-нибудь придумаем.

— Ты останешься с нами, — добавила Лидия. — Временно, пока не найдутся твои родители или не вернется память. А там — будет видно.

— Но ваше выступление... контракт...

— Контракт позволяет нам приглашать гостей, — усмехнулся Демиан. — К тому же, отель оплачен за наши деньги. Номер большой. Место есть.

— И работа для тебя найдется, — добавила Кэролайн. — Мы можем попросить администратора отеля. Там всегда нужны уборщицы или официантки. Или... — она посмотрела на Томаса. — Или что-то другое.

Томас кивнул.

— Я поговорю с управляющим, — сказал он. — Устроим тебя временно. А там — посмотрим.

Я посмотрела на свои руки. На татуировки. На бледные пальцы.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Кэролайн обняла меня — и на этот раз я обняла ее в ответ. Чужие руки. Чужая теплота. Но она согревала.

Как тот свитер Лидии. Как те носки с помпонами. Как завтрак, который я съела в больнице.

Маленькие вещи, из которых складывается жизнь.

Или новая жизнь.

Вечером Демиан заказал ужин в номер.

Огромный стол в гостиной был накрыт белой скатертью — официанты принесли салаты, горячее, десерты. Свечи в подсвечниках горели желтым, отражаясь в стеклянных бокалах. За окном падал снег — крупный, медленный, будто время замерло.

— Вы не обязаны были тратить на меня, — сказала я, глядя на эту красоту.

— Это не на тебя, — улыбнулся Демиан. — Это на нас всех. Ты просто часть компании.

Я села между Лидией и Кэролайн. Томас сел напротив — на другом конце стола, рядом с Демианом.

Ужин начался.

Салаты, разговоры, смех — они ели, шутили, обсуждали концертную программу, спорили о том, какую песню лучше открывать второе отделение. Я ела мало — кусок хлеба, глоток воды. Аппетита не было.

Но я слушала.

Их голоса, их интонации, их истории — маленькие, обычные, человеческие. Как они познакомились, как собрали группу, как первый раз выступили в баре перед тремя пьяными посетителями и собакой.

— Собака лаяла в такт, — Кэролайн смеялась, прикрывая рот рукой. — И нам показалось, что это успех!

— Успех пришел через три года, — усмехнулся Томас. — И то случайно.

— Главное, что пришел, — Лидия поправила очки и посмотрела на меня. — Знаешь, Миранда, когда я впервые увидела Томаса, я подумала — этот парень слишком серьезный. Слишком зажатый. Слишком... в себе.

— А теперь? — спросила я.

— А теперь я знаю, что он просто ждал того, кому можно доверять.

Томас опустил глаза. Взял бокал с вином, отпил.

— Может быть, — сказал он тихо.

После ужина — когда тарелки унесли, а свечи догорели почти до конца — Демиан поднялся.

— Томас, — сказал он. — Можно тебя на минуту?

Они вышли в коридор. Дверь закрылась.

Кэролайн и Лидия переглянулись.

— О чем это они? — спросила Кэролайн.

— Не знаю, — ответила Лидия. — Но, наверное, о важном.

Я сидела молча. Внутри снова поднималось то тяжелое, вязкое — предчувствие. Я не знала, о чем говорят Демиан и Томас за дверью. Но чувствовала — это обо мне.

Коридор. Мягкий ковер. Бра на стенах.

Демиан прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Ты должен ей рассказать, — сказал он. — Про колледж. Про то, что произошло.

— Нет, — Томас покачал головой. — Не сейчас. Она и так в шоке. Родители, смерть... Если я расскажу ей про наркотики, про тех парней, про...

— Тем более должна знать правду, — Демиан перебил его спокойно, но твердо. — Она жива, Томас. Она сидит там, за дверью, и не помнит ничего. Ей нужно знать, кто она. Откуда. Что с ней случилось.

— Даже если это ее уничтожит?

— Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Томас отвернулся. Провел рукой по лицу — устало, нервно.

— Я не хотел ей зла, — сказал он. — Я хотел ее спасти.

— И спас. — Демиан положил руку ему на плечо. — Она жива. А те парни... они получили по заслугам?

— Двое сидят. Третий сбежал за границу. Я... я не знаю, где он сейчас.

— Знаешь, — Демиан посмотрел ему в глаза. — Просто боишься признаться.

Томас молчал.

— Ладно, — Демиан убрал руку. — Пока не говори ей. Пусть придет в себя. Но не тяни слишком долго. Правда имеет привычку вылезать наружу в самый неподходящий момент.

Они вернулись в номер.

Я смотрела на них — на Томаса, у которого были красные глаза, и на Демиана, который выглядел так, будто только что выиграл спор.

— Всё в порядке? — спросила Лидия.

— Да, — ответил Демиан. — Просто обсуждали завтрашний день.

Он сел на свое место. Томас сел рядом.

Ужин продолжился.

Но воздух стал тяжелее.

Ночью я не спала.

Лежала на диване в гостиной — Кэролайн и Лидия спали в спальне, мальчики — в другой. Мне постелили прямо здесь, на раскладном диване, с горой подушек и теплым пледом.

В номере было тихо. Только часы на стене тикали — размеренно, успокаивающе.

Я смотрела в потолок.

Вспоминала.

Ничего.

Пустота.

Но где-то глубоко, в самом дальнем углу сознания, кто-то ждал. Я чувствовала его присутствие — тяжелое, горячее, как раскаленный камень. Он не приближался, но и не уходил.

— Кто ты? — прошептала я в темноту.

Никто не ответил.

Я закрыла глаза.

И провалилась в сон — без снов, без теней, без ответов.

Но когда утром проснулась, на тумбочке лежала алая роза.

Одна.

Свежая.

Кто-то принес ее ночью.

Я взяла цветок в руки. Лепестки были мягкими, бархатистыми. Шипов не было — стебель гладкий, будто кто-то специально их срезал.

На лепестке — капля. Красная.

Кровь.

Или роса.

Я поднесла цветок к лицу — запах. Сладкий, терпкий, пьянящий.

— Откуда? — спросила я у пустоты.

Никто не ответил. Но в углу комнаты — там, где только что никого не было — мне показалась тень. Высокая. Темная. С глазами, которые горели серым — как зимнее небо, как сталь, как обещание боли.

— Доброе утро, Миранда, — прошептал ветер.

Я моргнула.

Тень исчезла.

Роза осталась.

-----Глава 2: Встреча с прошлым. -----

Роза не исчезла утром.

Я проснулась — и она всё еще лежала на тумбочке. Лепестки чуть подсохли по краям, но цвет не потеряли — алый, густой, как запекшаяся кровь. Я взяла ее в руки, провела пальцем по гладкому стеблю без шипов.

— Это был не сон, — прошептала я.

В комнате было тихо. Кэрлайн и Лидия спали в спальне — дверь приоткрыта, слышно их размеренное дыхание. Свет за окном серый, снежный. Часы показывали половину седьмого.

Я положила розу обратно. Встала. Плед сполз на пол, я натянула его обратно — машинально, будто кто-то мог увидеть мое тело в больничной пижаме. Вчера Демиан купил мне кое-что из одежды в круглосуточном магазине — джинсы, свитер, теплые носки. Всё висело на спинке стула, ждало.

Я оделась быстро. Джинсы оказались чуть велики — пришлось подвязать ремнем, который Демиан предусмотрительно взял. Свитер — темно-серый, шерстяной, колючий — пах магазином и пластиком.

В ванной я посмотрела на себя в зеркало.

Белое лицо. Белые волосы. Глаза — зеленые, но какие-то выцветшие, будто кто-то вылил в них молоко. Под глазами — темные круги, хотя я спала почти десять часов.

— Кто ты? — спросила я у своего отражения.

Отражение не ответило.

Я умылась холодной водой — кожа горела, щипало. Зубы почистила одноразовой щеткой, которую Лидия сунула мне в руку еще вчера. Паста мятная, слишком резкая — язык онемел. — Сделаю вид, что это нормально, — сказала я себе.

И вышла.

Лифт спускался медленно.

Я нажала кнопку первого этажа — хотела выйти на улицу, подышать снежным воздухом, убежать от вопросов, которые роились в голове. Сегодня мне должны были показать, что за работа — следить за костюмами. Лидия сказала, что договорилась с менеджером отеля. Неоплачиваемая стажировка, но с питанием и возможностью остаться в номере.

— Лучше, чем ничего, — сказала она с улыбкой.

Я кивнула. Лучше, чем ничего.

Лифт остановился на третьем этаже. Двери открылись — и вошел он.

Высокий. Светлые волосы — почти белые, но не пепельные, как у меня, а золотистые, с отливом. Зачесаны назад, открывают высокий чистый лоб. Скулы острые, подбородок волевой — лицо скульптурное, как у древней статуи, которую высекали тысячу лет, чтобы она стала идеальной.

Глаза серые. Светлые. Холодные.

Но в них — огонь. Глеющий, затаенный, как угли под пеплом.

На нем — костюм-тройка. Темно-синий, почти черный, с тонкой белой полоской. Пиджак сидит идеально — облегает широкие плечи, сужается к талии. Жилет под ним — темно-серый, с шелковой спинкой, которая блестит, когда он поворачивается. Рубашка белоснежная, воротник накрахмален до остроты. Галстука нет — пуговица расстегнута, видна ложбинка на шее, бледная кожа.

В нагрудном кармане — алая роза.

Живая. Свежая. Такая же, как у меня на тумбочке.

Он посмотрел на меня — и на секунду мне показалось, что время остановилось. Серые глаза расширились, ноздри дрогнули — будто он втянул воздух, почувствовал мой запах.

Потом — улыбнулся.

И мир снова пошел.

— Красивая роза, — сказала я, указав на его бутоньерку. Мой голос прозвучал хрипло — после сна, после тишины. — Их всем здесь раздают?

Он усмехнулся — уголки губ приподнялись, обнажая белоснежные зубы. Ровные, острые — клыков не видно, но мне показалось, что они длиннее, чем у обычных людей.

— Нет, — ответил он. Голос низкий, бархатистый, обволакивающий. — Не всем. Только самым симпатичным.

Я опустила голову. Вспомнила свое отражение в зеркале — бледное, чужое, с провалами под глазами.

— Значит, она досталась мне по ошибке, — сказала я тихо.

Он сделал шаг ко мне. Один шаг — и воздух в лифте стал плотнее, тяжелее, будто кто-то включил невидимый пресс.

— Почему вы так думаете? — спросил он.

— Я не подхожу под их число, — ответила я, не поднимая головы. — Не симпатичная. Странная. Белая. Как привидение.

Тишина. Лифт ехал вниз, мигали этажи — 2, 1.

— Не правда, — сказал он. Голос стал тише, почти шепотом. — Вы очень красивая. Никогда не думайте иначе.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня — в упор, не мигая. Его лицо было спокойным, но я видела — внутри него что-то происходит. Руки, висящие вдоль тела, сжались в кулаки. Кадык дернулся — он сглотнул. Сдерживался. Чтобы не прикоснуться ко мне. Не обнять.

Я не знала, откуда я это поняла. Просто почувствовала.

— Спасибо, — сказала я.

Он открыл рот, чтобы ответить — но в кармане пиджака зазвенел телефон. Резко, громко — я вздрогнула.

Он извинился — коротко, вежливо — и ответил, отвернувшись к стене лифта.

— Слушаю, — его голос стал другим. Деловым. Холодным.

Пауза.

— Никаких следов? — его спина напряглась. — Но он же не скрывается, он сам хочет, чтобы его нашли. Почему он пропал?

Я смотрела на его затылок — светлые волосы, идеальный пробор. На плечи — широкие, сильные, обтянутые тканью пиджака.

— Держите меня в курсе, — сказал он в трубку. — Я буду в городе до вечера. Если не найдете — расширяйте зону поиска.

Он нажал отбой и убрал телефон во внутренний карман. Повернулся ко мне — и лицо снова стало мягким, почти домашним.

— Извините, рабочие моменты.

— Ничего страшного, — сказала я. — У меня тоже сейчас работа. Первый день.

— Первый день?

— Да, я только устроилась. Помогаю группе — костюмы, сцена, всякое такое. Неоплачиваемая стажировка, но с питанием, — я улыбнулась — впервые за утро. Получилось криво, наверное. — Лучше, чем ничего.

Он посмотрел на меня так, будто хотел сказать — не лучше, чем ничего. Лучше, чем всё. Но сдержался.

Лифт остановился. Двери открылись — холл отеля, мраморный пол, люстры, запах дорогого парфюма.

Мы вышли вместе.

Он протянул мне руку — ладонь раскрыта, пальцы длинные, холеные. На безымянном — массивное кольцо из черного серебра с рубином. Камень блеснул в свете люстр — красный, как роза.

— Кстати, — сказал он. — Меня зовут Кевин. Кевин Донариус. Приятно познакомиться.

Он ждал.

Я видела это — секундное напряжение в его глазах. Он ждал реакции на имя. На фамилию. Что-то щелкнет в моей памяти, лицо исказится, я отшатнусь.

Ничего не щелкнуло.

— Миранда Гриффин, — я пожала его руку. Ладонь сухая, теплая, но пальцы холодные — странное сочетание. — Взаимно.

— Миранда Гриффин, — повторил он, растягивая слоги, будто пробовал имя на вкус.

— Это всё, что я знаю, — добавила я. — Своё имя. И фамилию. И что мне двадцать девять. Но это мне сказали.

— Всё? — он сделал удивленное лицо. Слишком удивленное, чтобы быть искренним. Но я не заметила — или не захотела замечать.

— Я потеряла память, — сказала я. — Живу с чистого листа. Точнее, пытаюсь.

Он не отпускал мою руку. Сжал чуть сильнее — не больно, но ощутимо.

— Память вернется, — сказал он. — Обязательно. По любому.

— Вы так уверены?

— Я в этом убежден, — он улыбнулся. Та самая улыбка — уголки губ приподняты, глаза щурятся, как у сытого кота, который знает, что рано или поздно добыча сама придет в лапы.

Я хотела что-то спросить — но из стеклянных дверей отеля вышел мужчина в черной форме, с бейджиком «водитель». Низко поклонился Кевину.

— Мистер Донариус, пора. Нам нужно быть на месте через два часа.

Кевин нехотя отпустил мою руку. Его пальцы скользнули по моей ладони — задержались на секунду дольше, чем нужно.

— Извините, дела, — сказал он. — Еще увидимся, Миранда.

— Увидимся, — ответила я.

Он пошел к выходу — широкий шаг, прямая спина. У стеклянных дверей обернулся:

— И запомните: всё будет хорошо. Память вернется. Я вас уверяю.

Улыбнулся — и вышел.

Через стекло я видела, как он сел в черный лимузин — длинный, блестящий, с затемненными стеклами. Двигатель заурчал, машина отъехала от тротуара и исчезла за углом.

Я стояла в холле одна.

Пахло кофе и цветами. Где-то играла тихая музыка — фортепиано, старая мелодия, которую я не узнала.

В голове крутилась его улыбка. Кошачья. Хищная. Но в глазах — боль. Глубокая, старая, спрятанная за вежливостью и дорогим костюмом.

— Кевин Донариус, — прошептала я имя.

Ничего. Пустота.

Но сердце билось быстрее.

Вернулась в номер через полчаса. Кэролайн уже проснулась — сидела за столом в гостиной, пила чай с медом и листала ноты. Увидела меня — улыбнулась, отставила чашку.

— Гуляла? — спросила она.

— Да. Встретила одного мужчину в лифте.

— Красивого?

Я замялась.

— Наверное, — ответила уклончиво.

— Лидия! — крикнула Кэролайн.

— Тут наша Миранда уже знакомства заводит!

Из спальни вышла Лидия — в пижаме с единорогами, с растрепанным пучком и очками набекрень.

— Что за знакомства? — зевнула она.

— Не обращай внимания, — я села на диван. — Просто попутчик в лифте.

— Попутчик в лифте в шесть утра, — Кэролайн подмигнула. — Романтика!

— Он был с розой в петлице, — добавила я. — Как та, что у меня на тумбочке.

Лидия и Кэролайн переглянулись.

— Какая роза? — спросила Лидия.

Я указала на тумбочку.

Розы там не было.

— Она лежала здесь, — я встала, подошла, перерыла подушку, плед. Ничего. — Я точно помню. Красная, свежая. Стебель без шипов.

— Миранда, — Кэролайн подошла ко мне, взяла за руку. — Ты уверена, что не приснилось?

Я закрыла глаза. Вспомнила: лепестки, запах, укол в палец — нет, не укололась. Просто гладила лепестки. Они были настоящими.

— Уверена, — сказала я.

Лидия и Кэролайн снова переглянулись. Но ничего не сказали.

— Ладно, — Лидия хлопнула в ладоши. — Сегодня у тебя первый рабочий день. Я договорилась с костюмером отеля, ее зовут Марта. Она покажет тебе, что нужно делать. Пойдем, я провожу.

Я кивнула. Взяла с вешалки куртку — Демиан купил и куртку, черную, пуховик, великоват, но тепло. Надела ботинки — тоже новые, на толстой подошве, шнурки длинные, пришлось завязывать дважды.

— Выглядишь как настоящая, — улыбнулась Кэролайн.

— Как настоящая кто? — спросила я. — Как настоящая девушка, которая знает, куда идет.

Я улыбнулась в ответ — на этот раз теплее.

— Хотелось бы.

Костюмерная оказалась в подвале отеля.

Мы спустились по узкой лестнице с перилами из кованого железа. Пахло пылью, старой тканью и чем-то химическим — краска для ткани, наверное.

Марта ждала нас у двери.

Женщина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами, стриженными «под мальчика», в джинсах и фланелевой рубашке. Руки в наколках — якоря, розы, черепа. Глаза зеленые, острые, с вечно прищуром.

— Лидия, — кивнула она. — Это та самая?

— Да, Миранда. Будет помогать тебе до концерта.

— Ну, посмотрим, — Марта окинула меня взглядом — профессиональным, цепким. — Руки есть? Ноги есть? Голова на месте?

— Вроде да, — ответила я.

— Уже хорошо. Пошли, покажу, что к чему.

Лидия ушла вверх — нужно было репетировать.

Я осталась с Мартой.

Костюмерная оказалась большим помещением без окон, с голыми бетонными стенами и множеством вешалок. Костюмы висели рядами — платья, брюки, пиджаки, всё в пыльниках из прозрачного пластика. В углу — швейная машинка, гладильная доска, коробки с пуговицами и нитками.

— Задача простая, — Марта говорила быстро, рублеными фразами. — Проверяешь костюмы перед выходом. Пуговицы, молнии, швы. Чистишь, гладишь. Если порвались — шьешь. Умеешь?

— Не помню, — честно ответила я.

— Научу. Бери иголку, нитку. Шей.

Она сунула мне в руки кусок черной ткани с продраным швом.

Я взяла иголку. Вдела нитку — с третьего раза, пальцы дрожали. Начала шить — криво, но Марта кивнула.

— Сойдет. Для начала. Завтра научу ровнее.

Я улыбнулась.

Первый рабочий день начался.

Через три дня мне приснился сон.

Я стояла в пустом поле. Ни снега, ни травы — только серая земля под ногами и серое небо над головой. Ни горизонта, ни границ — бесконечная пустота.

Потом он появился.

Свет.

Яркий, ослепительный — я зажмурилась, прикрыла лицо рукой. Но свет не обжигал — он был холодным, как полярное сияние, как лунный луч в зимнюю ночь.

Когда я открыла глаза, передо мной стоял силуэт.

Высокий. Прозрачный. Светящийся изнутри — как лампа под тонкой тканью. У него не было лица — только овал, на котором угадывались глаза и рот. Крылья за спиной — огромные, белые, полупрозрачные, как крылья стрекозы.

Ангел.

Я не знала, откуда взяла это слово, но оно пришло само.

— Миранда, — голос был не громким и не тихим — он звучал у меня в голове, будто мысли стали словами. — Вспомни свое предназначение.

— Какое предназначение? — спросила я. Мой голос прозвучал тонко, испуганно.

— Ты должна их уничтожить. — Ангел сделал шаг ко мне. Земля под его ногами не шелохнулась. — Ты не должна была стать полукровкой.

— Кем? — я не поняла слова, но оно отозвалось в груди болью.

— Твоя мать согрешила, — продолжал он. Голос стал жестче, острее, как лезвие. — Переспав и забеременев от демона. От мертвеца. Она была осквернена им — как и ты.

— Я не понимаю, — я сделала шаг назад — но поле не кончалось, не за что было зацепиться.

— Ты — неправильное создание, — Ангел поднял руку — прозрачную, светящуюся. — Исправь это. Убей мертвецов. Убей их всех.

— Кого — всех?

— Вампиров, — выдохнул он. — Убей вампиров.

Мир дернулся. Поле треснуло — как зеркало, по которому ударили молотком. Трещины разбежались от моих ног во все стороны.

— Убей их, — повторил Ангел. — Или они убьют тебя.

Я проснулась.

В холодном поту.

Пижама прилипла к спине, волосы взмокли на висках. Сердце колотилось так, что я слышала стук в ушах. Грудь ходила ходуном — я дышала часто, поверхностно, как загнанный зверь.

— Миранда? — сонный голос Кэролайн из спальни. — Ты в порядке?

— Да, — ответила я. — Просто кошмар.

Я не стала рассказывать, какой.

Встала. Прошла в ванную. Включила воду — горячую, почти кипяток. Стянула пижаму, встала под душ.

Вода обжигала кожу, смывала пот, страх. Я стояла, закрыв глаза, и пыталась забыть его голос.

«Убей мертвецов».

Но слова въелись под кожу, как те татуировки на запястьях.

После душа я оделась. Девочки еще спали — я слышала их дыхание, ровное и спокойное. Не стала их будить. Вышла в коридор. Спустилась на лифте.

В этот раз лифт не останавливался. Я доехала до первого этажа одна.

Холл был пуст — только у стойки регистрации маячил сонный портье. Я вышла на улицу.

Снег почти перестал. Небо прояснилось — серое, но с просветами. Где-то далеко, над горами, пробивалось солнце — бледное, зимнее, почти не греющее.

Я сделала несколько шагов по тротуару. Подошвы ботинок скрипели по утрамбованному снегу. Воздух был холодным, но свежим — он обжигал легкие, вымывал остатки сна.

— Убей их, — повторила я шепотом.

Слова застыли в воздухе белым паром.

Я посмотрела на свои руки. На татуировки. На бледную кожу.

— Кто я? — спросила я у пустоты.

Никто не ответил.

Но из отеля вышел мужчина — высокий, в черном пальто, с кожаным портфелем в руке.

Увидел меня, кивнул — вежливо, незнакомо.

Я кивнула в ответ.

И пошла обратно в номер.

Работа ждала. Костюмы ждали. Группа ждала.

А ответы — нет.

Вернувшись, я застала Кэролайн на кухне. Она грела воду для чая, сонная, растрепанная, в халате поверх пижамы.

— Ты рано, — зевнула она.

— Не спалось, — я села за стол. — Кэролайн, можно спросить?

— Конечно.

— Ты веришь в... в нечто? Ну, в ангелов? Или в демонов? Или в... вампиров?

Она замерла. Вода в чайнике закипела и выключилась — щелчок.

— С чего такой вопрос? — спросила она, не оборачиваясь.

— Сон приснился. Станный.

— Расскажешь?

— Не сейчас. Может, позже.

Кэролайн налила кипятка в кружку, бросила пакетик мятного чая. Села напротив.

— Я верю, — сказала она тихо. — Что во вселенной есть вещи, которые мы не можем объяснить. И лучше не пытаться. Потому что некоторые ответы... они могут разрушить тебя.

Она смотрела на меня серьезно — впервые за все дни. В ее голубых глазах не было улыбки.

— Ты что-то знаешь, — сказала я. — Что-то, о чем молчишь.

— Может быть, — она отвела взгляд. — А может быть, я просто устала и говорю глупости.

Не обращай внимания.

Она поднялась с чашкой и ушла в спальню.

Я осталась одна за столом.

Передо мной стоял ее недопитый чай. Пакетик плавал в воде, распуская коричневые нити.

— Вампиры, — прошептала я.

Слово повисло в воздухе.

И в этот момент у меня на запястье — там, где татуировка — что-то кольнуло. Остро, как укол иглой.

Я посмотрела на руку.

Черные линии на белой коже — переплетенные, острые — казалось, они пульсируют.

Слегка. Едва заметно.

Я провела по ним пальцем — кожа была горячей.

— Что ты такое? — спросила я у татуировки.

Она не ответила.

Но где-то в глубине сознания — там, где пустота — что-то шевельнулось. Тень. Светлый силуэт. Человек с серыми глазами, в которых горят золотые искорки.

— Киану, — выдохнула я.

Имя упало в тишину.

И пустота внутри меня — на секунду, на миг — перестала быть пустой.

Свет софитов.

День выступления наступил внезапно — как удар сердца, который ты не ждал, но который напоминает, что ты жив.

Я проснулась от того, что Кэролайн пела в душе.

Её голос пробивался сквозь шум воды и закрытую дверь — высокий, чистый, он вибрировал в воздухе, заставляя стекла в окнах мелко дрожать. Я лежала на диване, слушала и не могла пошевелиться — будто кто-то держал меня за горло невидимой рукой. Не больно. Вкусно. Так, наверное, чувствует себя человек, который впервые слышит музыку.

Она пела что-то грустное. О любви, которая не вернётся. О дороге, которая ведёт в никуда. О свете, который гаснет на рассвете.

— Миранда, ты встала? — голос Лидии вырвал меня из транса.

Она стояла в дверях спальни — в халате, с полотенцем на голове, без очков. Я впервые видела её без них — и чуть не ахнула. У неё были удивительные глаза — большие, миндалевидные, цвета тёмного шоколада. Без стёкол они казались огромными, почти кукольными.

— Ты красивая, — сказала я.

Лидия смутилась — покраснела до корней волос.

— Это линзы, — сказала она быстро. — Я без них не вижу ни черта, но для сцены... Демиан сказал, что очки бликуют. И вообще...

— Нет, — я покачала головой. — Я не про линзы. Я про тебя. Ты красивая. Просто красивая.

Она улыбнулась — и снова эти ямочки на щеках. Но теперь я видела их без помех, без бликов стёкол. Они были глубже, чем я думала.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Пойдём завтракать. Сегодня важный день.

Кэролайн вышла из душа через полчаса.

Замотанная в два полотенца — на голове и на теле — она плюхнулась на стул и уставилась в чашку с зелёным чаем так, будто пыталась разглядеть в ней будущее.

— Я боюсь, — сказала она.

— Чего? — я села напротив.

— Голос сорвётся. Забуду слова. Упаду со сцены. Платье порвётся на месте декольте. И все увидят...

— Что? — не поняла я.

Она подняла на меня глаза — голубые, с красными прожилками, но уже не такие больные, как в первый день. В них горел огонь. Страх. И надежда.

— Что я ненстоящая, — выдохнула она. — Что я просто девчонка, которой повезло. Что мой голос — не дар, а случайность. Что в любой момент всё может кончиться.

— Ты поэтому болеешь? — спросила я. — От страха?

— Не только, — она усмехнулась криво. — Организм реально слабый. Но да, когда я волнуюсь, иммунитет падает. Демиан говорит, это психосоматика.

— А что говорит Демиан? — я повернулась к нему.

Он стоял у окна, засунув руки в карманы спортивных штанов, в старой футболке с выцветшим принтом какой-то рок-группы. Волосы ещё влажные после душа, на плече — полотенце. Домашний. Почти обычный. — Я говорю, что её голос — лучший, что я слышал, — ответил он, не оборачиваясь.

— И если она не будет психовать, всё пройдет идеально.

— А если буду?

Он обернулся. Улыбнулся — редко, но точно. Улыбка у него была сдержанная, но глаза смеялись.

— Если будешь — я выйду на сцену и спою за тебя. Народ удивится, но аплодировать будет.

Кэролайн фыркнула. Швырнула в него полотенцем — он поймал на лету, даже не моргнул.

— Ты не умеешь петь, — сказала она.

— Зато умею делать вид, что умею, — парировал он. — Это мой суперхирургический навык.

Лидия рассмеялась — звонко, по-детски. Я тоже улыбнулась.

Напряжение в комнате чуть спало.

Костюмерная Марты встретила нас запахом утюга и лаванды.

Марта уже была на месте — в чёрных джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами. На руках — новые наколки, которых я раньше не замечала: выюнки, обвивающие запястья, и маленький ключ на указательном пальце.

— Ну что, красавицы, — сказала она, потирая руки. — Сегодня вы будете сиять.

Она подвела Кэролайн к стойке, на которой висело платье.

Я ахнула.

Не потому, что была впечатлительной — потому что платье было создано для богини.

Длинное, до пят, из ткани, которая переливалась как радуга — синее, фиолетовое, зелёное, всё одновременно. На груди — вышивка стразами: тысячи крошечных кристаллов, которые горели даже при тусклом свете костюмерной. Рукава — длинные, расклешённые, из прозрачного шифона, с такими же россыпями камней на манжетах. Лиф — облегающий, с глубоким вырезом на спине.

— Это... — Кэролайн коснулась ткани дрожащими пальцами. — Это слишком дорого.

— Это напрокат, — усмехнулась Марта. — Отель платит. Твоя задача — не пролить на него красное вино и не порвать во время танцев.

— Я не пью красное вино, — выдохнула Кэролайн. — Я вообще ничего не пью перед концертом.

— Тогда проблем не будет.

Марта помогла ей надеть платье. Я стояла в стороне, смотрела.

Когда Кэролайн повернулась к зеркалу, у меня перехватило дыхание.

Она была прекрасна.

Белая кожа, светлые волосы, уложенные в сложную причёску с локонами, падающими на плечи. Платье сидело идеально — подчеркивало тонкую талию, скрывало бледность, добавляло цвета её голубым глазам.

— Это я? — спросила она тихо.

— Это ты, — ответила Марта. — Та, которая выйдет на сцену и заставит всех замолчать.

Кэролайн посмотрела на своё отражение — и улыбнулась. Впервые за день — искренне, широко, без страха.

— Теперь ты, — Марта кивнула Лидии.

Платье Лидии было другим — нежным, почти невесомым.

Голубое, как весеннее небо. С открытыми плечами и пышной юбкой до колена. На талии — тонкий серебряный пояс с подвесками, которые звенели при каждом шаге. Ткань струилась в руках, как вода.

— Оно тебе идёт, — сказала я.

Лидия покраснела — снова. Но не отвела взгляд.

— Я никогда не носила ничего подобного, — призналась она. — В школе меня дразнили за очки. За то, что я худая. За то, что я люблю музыку, которую никто не слушает.

— А теперь? — спросила я.

— А теперь я выхожу на сцену, — она посмотрела на себя в зеркало и расправила плечи.
— И мне плевать, кто что думает.

Она выглядела как фея. Как мечта, которая стала реальностью.

Томас вошёл в костюмерную, когда Лидия уже кружилась перед зеркалом, проверяя, как летит юбка.

Он замер.

— Ты... — начал он и замолчал.

Смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Ты прекрасна, — закончил он.

Лидия улыбнулась — той самой улыбкой с ямочками — и я увидела в её глазах не просто счастье. Облегчение. Девушка, которую дразнили в школе, наконец поняла, что она красива.

— Твой костюм, — сказала я, чтобы сменить тему.

Томас кивнул и снял чехол с вешалки.

Костюм был классическим — чёрный, идеально скроенный, из дорогой ткани, которая не мялась. Пиджак однобортный, с атласными лацканами. Брюки со стрелками. Белая рубашка с запонками — серебряными, с маленькими музыкальными нотами на каждом.

— Отель постарался, — усмехнулся он. — Для такого концерта — только лучшее.

— Ты похож на голливудскую звезду, — сказала Лидия.

— А ты — на принцессу, — ответил он.

Они посмотрели друг на друга — и в этом взгляде было столько тепла, что я отвела глаза. Не от стеснения. От того, что внутри меня что-то кольнуло. Не больно. Но заметно.

«У тебя тоже был кто-то», — прошептал внутренний голос.

Я замерла.

Это было впервые. Голос внутри. Не мой — но и не чужой. Как эхо. Как обрывок песни, которую ты слышал когда-то давно.

«Кто ты?» — мысленно спросила я.

Тишина.

Кольнуло в запястье — там, где татуировки.

Я сжала руки в кулаки.

— Всё в порядке? — спросил Демиан, появившись у меня за спиной.

— Да, — я не обернулась. — Всё хорошо.

Он не поверил. Я это чувствовала — его взгляд на моём затылке. Но не стал спрашивать.

За два часа до концерта я впервые увидела зал.

Он был огромным.

Партер — ряды кресел, обитых бархатом, уходящие в полумрак. Балконы — два яруса, с ложами, отделанными золотой лепниной. Люстра — хрустальная, в три яруса, она свисала с потолка как огромный ледяной водопад.

Сцена была скрыта тяжёлым бордовым занавесом.

За ним — тишина. И ожидание.

— Вместимость — тысяча двести человек, — сказал Демиан, встав рядом. — Почти все билеты проданы.

— Тысяча двести? — я сглотнула. — И все будут смотреть на Кэролайн?

— И на Лидию. И на Томаса. Но да, в основном — на Кэролайн. Она звезда.

— А ты не волнуешься?

— Нет, — ответил он спокойно. — Моя работа — оперировать сердца. Здесь, в зале, сердце бьётся у каждого зрителя. И моя задача — чтобы оно билось в такт музыке.

Я посмотрела на него — на его квадратное лицо, на спокойные карие глаза, на мощные плечи, которые, казалось, могли выдержать любой груз.

— Ты необычный хирург, — сказала я.

— Я просто человек, который любит свою работу, — он улыбнулся. — И который любит свою девушку.

— Кэролайн?

— Да. Она — моё сердце. И сегодня оно выйдет на сцену.

Мы помолчали. Зал наполнился людьми — они заходили, рассаживались, шептались. Запах духов, одеколонов, дорогой кожи и женских улыбок.

— Нам пора в зал, — сказал Демиан. — Занавес поднимается через пятнадцать минут.

Мы сели в пятом ряду — достаточно близко, чтобы видеть лица музыкантов, но не настолько, чтобы Кэролайн отвлекалась на нас.

Демиан взял меня за руку — не романтически, а по-отечески, успокаивающе. Я не возражала. Его ладонь была тёплой и сухой.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Смотри.

Свет в зале погас.

Тьма — густая, бархатная, пахнущая электричеством и ожиданием.

Потом — вспышка.

Прожекторы ударили в сцену, и занавес поплыл вверх — медленно, торжественно, как шторы в театре, который помнит Шекспира.

На сцене — они.

Томас за синтезатором — чёрный фрак, белая рубашка, волосы зачесаны назад. Он не смотрел в зал — его глаза были закрыты. Пальцы лежали на клавишах, не двигаясь. Ждал.

Лидия за роялем — но не на стуле, а на высоком табурете, чтобы все видели её голубое платье и серебряный пояс. Волосы распущены, выются по плечам. Без очков — огромные шоколадные глаза горят в полумраке.

И Кэролайн.

В центре сцены.

Одна.

Свет лился на неё сверху — мягкий, золотистый, он делал её похожей на витражную святую. Платье переливалось — синее, фиолетовое, зелёное — и стразы на груди вспыхивали, как маленькие звёзды.

Она стояла с микрофоном в руке — и молчала.

Секунда. Две. Три.

Толпа затихла.

Потом она открыла рот — и запела.

Голос.

Я не знала, что голос может быть таким.

Он лился не из динамиков — он лился из воздуха, из стен, из пола. Он заполнял зал, как вода заполняет пустоту — без тени, без усилия, без границ.

Кэролайн пела о потере.

О том, как ты стоишь на краю обрыва и смотришь вниз, зная, что должен прыгнуть — но не можешь. О том, как время утекает сквозь пальцы, как песок. О том, как любовь уходит, а ты остаёшься — один, в комнате, где пахнет его духами.

Зал замер.

Ни шёпота. Ни кашля. Ни шороха программ.

Тысяча двести человек боялись дышать, чтобы не спугнуть это чудо.

Я смотрела на Кэролайн и видела — она не поёт. Она живёт песней. Каждое слово — её. Каждая нота — её боль, её надежда, её страх.

Когда она взяла высокую ноту — чистую, как горный ручей — у меня по спине побежали мурашки. По рукам, по ногам, по позвоночнику. Я забыла, как дышать.

Рука Демиана сжала мою — больно, но я не отдернула.

Он тоже замер.

Глаза прикрыты, губы шевелятся — он повторяет слова песни. Знает её наизусть. Слышал сотни раз. Но сегодня — сегодня по-другому.

Первый куплет закончился.

Пауза.

Тишина в зале была такой плотной, что я слышала, как бьётся моё сердце.

Потом — аплодисменты.

Они взорвались не сразу — сначала один человек, потом другой, потом волна — и вот уже тысяча двести человек хлопают, свистят, кричат «Браво!».

Кэролайн улыбнулась.

Впервые за вечер — по-настоящему.

И запела второй куплет.

Концерт длился два часа.

Я потеряла счёт времени.

Были песни быстрые — под них хлопали в такт, пританцовывали в креслах. Были медленные — под них плакали. Я видела женщину в третьем ряду — она вытирала слёзы кружевным платком, и тушь текла по щекам чёрными ручьями.

Была песня, которую Томас написал для Лидии.

Он объявил её с синтезатора:

— Эта песня — для девушки, которая научила меня, что любовь не всегда боль. Иногда она — спасение.

Лидия покраснела — даже под слоем сценического грима было видно. Но не отвела взгляд. Смотрела на него в упор, пока он играл вступление.

Он пел сам — низким, чуть хриплым голосом — о том, как однажды встретил девушку в очках, которая под села к его клавишам на джем-сейшне. О том, как она украла его партию, но сделала это так красиво, что он не мог злиться. О том, как понял — вот она. Та, ради кого стоит жить.

Зал аплодировал стоя.

Лидия плакала — и не вытирала слёз.

Я смотрела на них и чувствовала — внутри что-то шевелится. Не воспоминание — нет. Ощущение. Что когда-то у меня тоже было такое. Кто-то смотрел на меня так же — как на сокровище, как на чудо, как на единственную.

«Киану», — прошептало сердце.

Имя эхом отозвалось в пустоте.

Последняя песня была самой тихой.

Кэролайн попросила выключить прожекторы — только один луч, направленный на неё. В полумраке её платье перестало переливаться, стало обычным — синим, почти чёрным.

— Эта песня, — сказала она в микрофон. — Для тех, кто потерял кого-то. Кто ждёт. Кто надеется. Кто знает, что любовь не умирает.

И запела.

Медленно. Тихо. Как колыбельную.

О голосе, который зовёт из темноты. О руке, которая тянется к тебе сквозь время. О свете, который не гаснет, даже когда кажется, что вокруг одна тьма.

В середине песни она заплакала.

Не сорвалась. Не замолчала. Пела сквозь слёзы — и это было самым прекрасным, что я слышала в своей жизни (в той жизни, которую помнила).

Зал плакал вместе с ней.

Я тоже.

Демиян не вытирал моих слёз — просто держал за руку. Крепко. Так, чтобы я знала — я не одна.

Песня закончилась.

Тишина — долгая, как вечность.

Потом — овация.

Тысяча двести человек встали. Кричали. Хлопали. Свистели. Бросали цветы на сцену — розы, лилии, хризантемы. Букеты падали к ногам Кэролайн, и она улыбалась сквозь слёзы, кланяясь — раз, второй, третий.

Томас и Лидия вышли к ней — взяли за руки, поклонились вместе.

Свет залил сцену белым — ослепительным, радостным.

— Спасибо! — крикнула Кэролайн в микрофон. — Вы — лучшие!

Зал взорвался снова.

После концерта был фуршет.

Большой зал с мраморными колоннами, белыми скатертями и шампанским в хрустальных бокалах. Гости в вечерних платьях и смокингах — они подходили к Кэролайн, пожимали руку, говорили комплименты, фотографировались.

Кэролайн сияла.

Не платье — она сама. Её лицо светилось изнутри, как лампа. Глаза блестели, щёки порозовели — живая, настоящая, счастливая.

Лидия стояла рядом — в своём голубом платье, с бокалом сока (она не пила шампанское, боялась, что у неё закружится голова). Очки она так и не надела — и это было правильно. Без них она выглядела моложе, свободнее, счастливее.

Томас держал её за руку. Не напоказ — просто так. Пальцы переплетены, большие пальцы гладят костяшки.

Я стояла в углу с Демияном.

— Устала? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Я... я не знаю, что я чувствую. Как будто смотрела что-то прекрасное и не могу прийти в себя.

— Это нормально. Так бывает после настоящего искусства.

— А это было настоящее?

Он посмотрел на Кэролайн — на ту, что смеялась в кругу поклонников, поправляя выбившуюся прядь.

— Это было лучшее, что она когда-либо пела, — сказал он. — Сегодня она вложила в голос всё. Всё, что у неё есть.

— Почему сегодня?

— Потому что она боялась, что это последний раз. — Он вздохнул. — После простуды голос мог не восстановиться. Она думала, что концерт отменят. Но чудо случилось.

— Чудо?

— Или ты, — он посмотрел на меня. — Ты появилась, и всё стало на свои места.

Я не знала, что ответить. Промолчала.

Демиян тоже замолчал.

Мы стояли рядом, смотрели на танцующих гостей, на звёзды в окнах, на шампанское, которое разливали официанты в белых перчатках.

— Миранда, — сказал он вдруг.

— Да?

— Ты веришь в судьбу?

Я подумала.

— Не знаю, — ответила честно. — Я не знаю, во что я верю.

— А зря, — он улыбнулся. — Потому что сегодня ты видела её. Судьбу. Она пела на сцене в синем платье со стразами.

Я посмотрела на Кэролайн.

Она поймала мой взгляд — и подмигнула.

Я улыбнулась.

Вернулись в номер за полночь.

Кэролайн шла, опираясь на Демиана — каблуки натерли ноги, платье тянуло плечи вниз, причёска растрепалась. Но она улыбалась — и не могла остановиться.

— Это был лучший вечер в моей жизни, — сказала она, падая на диван.

— Ты так говоришь после каждого концерта, — усмехнулся Демиан, стягивая с неё туфли.

— Потому что каждый концерт — лучший в моей жизни, — парировала она, не открывая глаз.

Лидия села рядом, осторожно, чтобы не помять платье. Томас принёс воду — всем по стакану. Я взяла свой, выпила залпом.

— Ну что, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Завтра уезжаем. Дальше — Лос-Анджелес.

— А Миранда? — Кэролайн приоткрыла один глаз. — Ты едешь с нами?

Все посмотрели на меня.

Я замерла. Куда я поеду? У меня нет дома. Нет документов. Нет денег. Нет памяти.

Но есть они.

— Да, — сказала я. — Я поеду с вами.

— Ура! — Кэролайн подпрыгнула на диване, забыв об усталости. — Мы будем вместе! Дорога, песни, приключения!

— И никаких приключений, — строго сказал Демиан. — Только работа, концерты и отели.

— И немного приключений, — шепнула мне Лидия, подмигнув.

Я улыбнулась.

Лёгкая улыбка. Первая за день, которая родилась сама, без усилий.

— Спасибо вам, — сказала я. — За всё.

— Не за что, — ответил Томас. — Ты бы сделала то же самое для нас.

Я не знала, сделала бы. Но не стала спорить.

Ночью, когда все уснули, я вышла на балкон.

Снег перестал. Небо было чёрным, звёздным — таким ясным, что казалось, до него можно дотянуться рукой.

Я смотрела вверх и думала.

О голосе Кэролайн. О песне Томаса для Лидии. О словах Демиана про судьбу.

О своём сне. Об ангеле, который велел убивать.

— Я не знаю, кто я, — прошептала я в звёздное небо. — Но я хочу узнать.

В ответ — только тишина.

Но в запястьях — там, где татуировки — что-то теплое. Как будто кто-то услышал.

И одобрил.

Утром мы упаковали вещи.

Чемоданы, сумки, чехлы с костюмами — всего было так много, что я удивилась, как они всё это впили в фургон.

Томас загружал багаж, Демиан проверял документы, Лидия и Кэролайн пили кофе в холле.

Я стояла у выхода, смотрела на улицу.

Снег почти растаял. По тротуару бежали ручьи. Небо было серым, но на западе — там, где Лос-Анджелес — виднелась полоска синевы.

— Миранда, — голос Томаса за спиной. — Можно тебя на минуту?

Я обернулась.

Он стоял в дверях — в джинсах и свитере, волосы влажные, нечёсанные. В руках — конверт.

— Что это? — спросила я.

— Твои документы. — Он протянул конверт. — Демиан позвонил знакомому адвокату. Тот восстановил твоё свидетельство о рождении и страховку.

— Как? — я взяла конверт дрожащими руками.

— У тебя есть дальние родственники в Огайо. Троюродная тётя. Она подтвердила личность. Всё законно.

Я открыла конверт.

Свидетельство о рождении. Миранда Элизабет Гриффин. Дата рождения — 7 февраля. 1990 год. А теперь — 2019. Мне двадцать девять.

Страховка. Карточка с фотографией — той, которая висела в больнице. Бледное лицо, белые волосы, глаза — испуганные, чужие.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — Томас улыбнулся. — Ты теперь официально существуешь.

Существую.

Слово упало в пустоту — и не провалилось. Осталось. Заполнило.

— Поехали, — сказал он. — Лос-Анджелес ждёт.

Я сунула документы в рюкзак — тот самый, который мне купил Демиан, чёрный, с кучей карманов — и вышла на улицу.

Фургон стоял у входа, двигатель урчал. Из открытого окна торчала рука Кэролайн — она махала мне, улыбаясь.

Я села на заднее сиденье — между Лидией и Кэролайн. Демиан занял место впереди, рядом с Томасом.

— Все готовы? — спросил Томас.

— Готовы, — ответили хором.

Фургон выехал на трассу.

Снег остался позади.

Впереди была дорога — и новая жизнь.

Я закрыла глаза.

И увидела его.

Того, с серыми глазами и золотыми искорками. Того, чьё имя носила в сердце, даже не помня его лица.

— Киану, — прошептала я.

И пустота внутри — на секунду, на миг — стала теплее.

Фургон ехал на запад.

Запад верил в чудеса.

Я тоже хотела верить.

Поместье.

Солнце било в лобовое стекло, и я щурилась, как кошка, которую вытащили из тёмного подвала на свет.

Мы ехали уже четвёртый час. За окнами фургона мелькали придорожные сосны, сменяясь полями, а поля — холмами с белыми верхушками, будто кто-то рассыпал сахарную пудру над застывшей зелёной глазурью.

— Демиан, — голос Томаса звучал устало, но с той ноткой любопытства, которая не даёт уснуть за рулём. — Твой знакомый... он кто вообще? Местный магнат?

— Что-то вроде того, — Демиан сидел на переднем сиденье, положив руку на подголовник Кэролайн, которая дремала, укрытая пледом. — Я оперировал его... родственника несколько лет назад. С тех пор мы на связи. Он ценит тех, кто спасает жизни.

— И он просто так дал нам виллу? — не унимался Томас. — На две недели? Бесплатно?

— Ничего не бывает бесплатно, — Демиан усмехнулся. — Он попросил, чтобы группа выступила на его частной вечеринке через неделю. Я согласился.

— Частная вечеринка? — Кэролайн приоткрыла один глаз. — Это звучит как что-то очень дорогое и очень скучное.

— Или очень хорошо оплачиваемое, — парировал Демиан. — Деньги пойдут в фонд группы. На следующую запись.

Кэролайн что-то пробурчала и снова закрыла глаза.

Я смотрела в окно.

Дорога сужалась — мы съехали с трассы на второстепенную, потом на просёлочную. Асфальт сменился гравием, гравий — укатанной землёй. Фургон подбрасывало на ухабах, и Лидия то и дело хваталась за поручень, поправляя очки, которые норовили слететь с носа.

— Скоро, — сказал Демиан.

— Ты это уже третий раз говоришь, — вздохнула Лидия.

— Потому что мы действительно скоро.

За поворотом показались ворота.

Кованые, чёрные, с острыми пиками наверху — они напоминали мне что-то. Не воспоминание — скорее, эхо воспоминания. Как будто я видела такие в кино. Или во сне. Или в другой жизни.

Охрана — двое мужчин в чёрных костюмах, с бейджиками на груди и наушниками в ушах — вышла навстречу. Один из них наклонился к окну Томаса.

— Демиан Вэнс?

— Да.

— Вас ждут. Проезжайте прямо. Главный дом — в конце аллеи.

Ворота открылись бесшумно, будто их толкнула невидимая рука.

Мы въехали на территорию.

Аллея была длинной — липы по бокам, голые, зимние, их ветви сплетались над головой в причудливую арку. Солнце пробивалось сквозь них косыми лучами, и на дороге плясали золотые пятна.

Я смотрела на деревья, на гравий, на далёкий силуэт дома — и в груди разрасталось странное чувство.

Не страх. Не радость.

Тоска.

Острая, как лезвие. Она вонзилась под рёбра, когда фургон выехал на круглую площадку перед домом, и я увидела его.

Дом был большим — не замок, но что-то близкое. Три этажа, серый камень, высокие окна с полукруглыми арками. Крыша из тёмной черепицы, трубы, из которых не шёл дым — дом не топили, он и так казался живым, дышащим, наблюдающим.

Колонны у входа. Львы из тёмного мрамора по бокам лестницы — один с открытой пастью, другой с закрытой. Охранники у дверей.

— Ничего себе, — выдохнула Кэролайн, окончательно проснувшись. — Это вам не «Беверли-Уилшир».

— Это поместье Донариусов, — сказал Демиан, вылезая из фургона. — По крайней мере, одно из них.

Донариусы.

Фамилия упала в пустоту внутри меня — и не провалилась. Зацепилась за что-то. Заскреблась, как мышь за плинтусом.

— Слышала? — спросила Лидия, заметив, что я замерла.

— Нет, — соврала я. — Никогда не слышала.

Но сердце стучало быстрее.

Нас встретил дворецкий. Высокий, седой, в идеально выглаженном чёрном костюме, с белыми перчатками на руках. Он не улыбнулся — но и не нахмурился. Просто смотрел, как мы выгружаемся, и кивал — каждому по очереди.

— Мисс Кэролайн. Мистер Томас. Мисс Лидия. Мистер Демиан. — Он знал наши имена. Даже моё. — И мисс Гриффин. Комнаты готовы. Прошу следовать за мной.

Мы пошли за ним — через огромный холл с мраморным полом и лепниной на потолке, через галерею с картинами в золотых рамах, через гостиную, где камин горел, хотя было не холодно.

— Ваши комнаты — на втором этаже, — говорил дворецкий, не оборачиваясь. — Мисс Кэролайн и мистер Демиан — восточное крыло. Мисс Лидия и мистер Томас — западное. Мисс Гриффин — комната в центральной части. Рядом с библиотекой.

Я не просила библиотеку. Но имя «Донариус» продолжало скрестись изнутри.

Лестница. Высокие ступени, деревянные перила с резными балясинами. Ковровая дорожка — бордовая, мягкая, она заглушала шаги.

Второй этаж. Коридор длинный, с окнами в сад. За окнами — газон, подстриженный, зелёный, несмотря на зиму. И статуи. Белые, мраморные, они стояли вдоль дорожек, застыв в вечных позах.

— Комната мисс Гриффин, — дворецкий остановился у двери с бронзовой ручкой. — Располагайтесь. Ужин в восемь.

Он ушёл. Я осталась одна перед дверью.

И не могла открыть её.

Потому что чуть дальше по коридору — дверь, такая же, с такой же бронзовой ручкой — притягивала мой взгляд. Я сделала несколько шагов — не к своей комнате, а к той, другой.

Остановилась.

Запах.

Дорогой парфюм — сандал, кожа, табак. И под ним — что-то другое. Кровь. Сладкая, металлическая. И ещё — розы. Свежие, живые, с каплями воды на лепестках.

Я положила ладонь на дверь.

— Миранда?

Лидия.

Я обернулась. Она стояла в конце коридора, держа в руках свой рюкзак. Очки съехали на кончик носа, из-под шапки выбилась прядь.

— Всё в порядке?

— Да, — я убрала руку от чужой двери. — Просто... дежавю. Как будто я уже здесь была.

— Может, была, — Лидия пожала плечами. — Ты ведь не помнишь.

Может, была.

Слова повисли в воздухе. Я посмотрела на дверь ещё раз — и пошла в свою комнату.

Комната была большой.

Кровать с балдахином — белый шёлк, кружево, подушки горами. Окно в сад — от пола до потолка, с тяжёлыми портьерами бордового бархата. Камин — настоящий, с дровами и каминной решёткой. Письменный стол из тёмного дерева, на нём — чернильница и перо. Как в прошлом веке.

Я подошла к окну.

Сад был мраморным. Статуи, фонтаны, подстриженные кусты. И в центре — розарий. Даже зимой кусты были зелёными — будто их кто-то заколдовал.

Я смотрела на розы и не могла отвести взгляд.

— Я знаю это место, — прошептала я.

Но не знала. Не помнила. Только чувствовала — кожей, костями, каждой клеткой.

В кармане джинсов завибрировал телефон — тот самый, который мне купил Демиан вчера, простой, без приложений, только звонки и сообщения. Экран засветился: «Демиан».

— Да?

— Распаковалась? — его голос был спокойным, будничным.

— Почти.

— Хорошо. Хозяин дома приглашает нас к ужину. Восемь часов. Форма одежды — повседневная, но не джинсы. Ты поняла.

— Поняла.

Я сбросила вызов.

Посмотрела на себя в зеркало — белое лицо, белые волосы, свитер колючий, джинсы великоваты.

— Повседневная, но не джинсы, — повторила я.

Открыла шкаф.

Там висели вещи. Чьи-то. Подходящие по размеру.

— Откуда? — спросила я у пустоты.

Пустота не ответила.

Я выбрала тёмно-синее платье — простое, до колена, с длинными рукавами. Чулки. Туфли на низком каблуке — чёрные, мягкие, они не натирали.

Посмотрела в зеркало.

— Ты выглядишь как... — начала я и замолчала.

Как кто?

Как Миранда. Та, которой я была. Или та, которой стала.

Коридоры, лестницы, галереи — дворецкий вёл нас к столовой молча, ступая бесшумно, как призрак.

Кэролайн шла впереди — в зелёном платье, с распущенными волосами, без макияжа — и всё равно выглядела так, будто только что сошла со сцены. Демиан рядом — в тёмно-серых брюках и чёрном свитере, под которым угадывались широкие плечи.

Лидия и Томас замыкали шествие — она в бордовом, он в пиджаке поверх белой рубашки. Они держались за руки — незаметно, но я видела.

Я шла последней.

Сердце колотилось. Я не знала почему. Может быть, от запаха — сандал и розы. Может быть, от света — канделябры на стенах горели живым огнём, и тени танцевали на лепнине.

— Столовая, — объявил дворецкий и открыл двойные двери.

Комната была огромной.

Стол на двенадцать персон — белая скатерть, хрусталь, серебро. Канделябры — три, по центру, с восковыми свечами, которые горели ровно, не коптя. Камин во всю стену — огонь трещал, разбрасывая искры.

И у камина — он.

Стоял спиной ко мне. Высокий, светловолосый, в чёрном костюме-тройке, который сидел как влитой. Руки за спиной, голова чуть наклонена — он смотрел на огонь.

— Кевин, — сказал Демиан. — Мы пришли.

Он обернулся.

Серые глаза. Острые скулы. Улыбка — кошачья, хищная, но с той ноткой тепла, которая предназначена только для друзей.

— Демиан, — он сделал шаг навстречу. — Рад тебя видеть. — Они обменялись рукопожатием — крепким, мужским, без лишних слов.

— Это моя группа, — Демиан указал на Томаса и Лидию. — Томас, Лидия.

— Очень приятно, — Кевин кивнул каждому. Взгляд скользнул по ним — быстро, оценивающе, но без угрозы.

— А это Кэролайн, — Демиан взял её за руку. — Моя невеста.

Кевин посмотрел на неё — и улыбка стала шире.

— Наслышан о вашем голосе. С нетерпением жду концерта.

— Спасибо, — Кэролайн улыбнулась в ответ — вежливо, но настороженно. Она чувствовала то же, что и я? Или мне казалось?

— И это... — Демиан обернулся ко мне. — Миранда. Она путешествует с нами. Помогает с костюмами.

Кевин поднял глаза. Серые — холодные, как зимнее небо. Но в глубине — там, где человеческий глаз не видит — зажёгся огонь. Красный. Тлеющий. Знакомый. Мы встретились взглядами.

— Мы уже встречались, — сказала я. Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — В лифте. В отеле.

— Точно, — он сделал вид, что вспомнил. — Миранда. С белыми волосами и странными татуировками. — Его взгляд упал на мои запястья. — Как поживает ваша память?

— Не вернулась, — ответила я.

— Жаль, — он развёл руками. — Надеюсь, моё скромное жилище поможет вам её обрести.

Скромное жилище.

Я посмотрела на люстру над головой — хрустальную, с сотнями подвесок. На камин, в котором могла бы поместиться моя бывшая квартира. На портреты на стенах — мужчины и женщины в старинных одеждах, с серьёзными лицами и глазами, которые следили за тобой.

— Садитесь, — Кевин указал на стол. — Ужин подан.

Мы расселись.

Демиан — во главе стола, справа от Кевина. Кэролайн — рядом с Демианом. Томас и Лидия — напротив. Мне досталось место по левую руку от Кевина.

Близко. Слишком близко.

Я чувствовала его запах — сандал, табак, кожа. И под ним — что-то другое. Древнее. Холодное. Как склеп.

— Вы давно знакомы с Демианом? — спросил он, поднимая бокал с красным вином. Свет падал на рубин на его кольцо — камень загорелся, как глаз.

— Несколько дней, — ответила я. — Он нашёл меня на дороге. Я замерзала.

— На дороге? — Кевин сделал вид, что удивлён. — В таком виде? Зимой?

— Да. Я ничего не помнила. Ни как там оказалась, ни откуда пришла.

— И до сих пор не помните?

— До сих пор.

— Удивительно, — он отпил вино. Губы стали красными — будто он пил не вино. — Обычно такие вещи случаются с людьми, которые пережили травму. Физическую или душевную.

— Вы психолог? — спросила я.

— Нет, — он усмехнулся. — Просто... наблюдательный.

Я опустила глаза. На столе стояла тарелка с супом — крем-суп из тыквы, с тыквенными семечками и капелькой масла. Я взяла ложку. Рука не дрожала — только внутри всё тряслось.

— А вы, Миранда, — Кевин наклонился ко мне, понизив голос так, чтобы слышала только я. — Вы не боитесь? Что память вернётся и окажется хуже, чем пустота?

Я посмотрела на него. В серых глазах — красные искры. Как угли в камине.

— Вы что-то знаете, — сказала я. — Обо мне.

— Я? — он откинулся на спинку стула. — С чего вы взяли?

— Вы смотрите на меня так, будто... — я запнулась, подбирая слово. — Будто ждёте, что я упаду в обморок. Или закричу. Или вспомню что-то, что вы не хотите, чтобы я вспоминала.

Тишина.

Даже ложки перестали звенеть.

— Миранда, — Демиан посмотрел на меня. — Ты в порядке?

— Да, — я взяла себя в руки. — Извините. Нервы.

Кевин улыбнулся — широко, как крокодил перед тем, как захлопнуть пасть.

— Ничего страшного, — сказал он. — У нас впереди две недели. Две недели, чтобы вы могли... освоиться. — Он поднял бокал. — За новое знакомство. И за старые тайны, которые когда-нибудь откроются.

Мы чокнулись.

Вино было терпким, с привкусом крови.

Или мне показалось?

Ужин тянулся долго.

Говорили о музыке, о концертах, о планах. Кэралайн рассказывала, как они записывали первый альбом в гараже у Томаса, как сосед жаловался на шум, а потом пришёл с пивом и сказал, что передумал — потому что песни были хорошие.

Кевин слушал внимательно, задавал вопросы — о технике, о звуке, о том, где лучше записывать вокал. Он разбирался в музыке — не как любитель, а как человек, который слышал её столетиями.

Я почти не ела. Кусок рыбы, глоток воды. Вино оставила нетронутым.

Потому что внутри меня — там, где пустота — кто-то шептал:

«Он лжёт. Он знает тебя. Он тебя ищет уже тысячу лет».

Я не знала, откуда этот голос. Но он был прав.

— Миранда, — Кевин снова наклонился ко мне. — Вы позволите показать вам поместье завтра? У нас есть библиотека. Возможно, чтение поможет вашей памяти.

— Я подумаю, — ответила я.

— Не думайте слишком долго, — он улыбнулся. — Время — ценный ресурс. Особенно для тех, у кого его... не так много.

Он поднялся из-за стола.

— Благодарю за компанию. Завтра я буду занят до вечера, но вы можете гулять по территории свободно. Кроме западного крыла. Там мои личные комнаты.

— А восточное? — спросил Томас.

— Восточное — ваше. — Он поправил запонки. — Спокойной ночи.

Он вышел.

Двери закрылись за ним с глухим стуком.

Тишина повисла над столом.

— Странный тип, — сказала Кэролайн, когда шаги затихли в коридоре.

— Он всегда был таким, — Демиан пожал плечами. — Но он надёжный. Я ему доверяю.

Я посмотрела на дверь, за которой скрылся Кевин.

В груди колотилось сердце. Не от страха. От предчувствия.

«Ты знаешь его, — шептал голос. — Ты знаешь всех их».

— Миранда? — Лидия коснулась моей руки. — Ты побледнела.

— Всё хорошо, — я встала. — Пойду отдохну. День был долгим.

— Спокойной ночи, — сказал Томас.

— Увидимся за завтраком, — добавила Кэролайн.

Я вышла из столовой.

В коридоре горели канделябры. Тени танцевали на стенах. Я пошла к лестнице — и осталась.

Дверь. Та самая. С бронзовой ручкой.

Я снова подошла к ней. Положила ладонь.

— Чья это комната? — спросила я у тишины.

— Хозяина, — ответил голос за спиной.

Я обернулась.

Дворецкий стоял в трёх шагах, сложив руки на животе. Белые перчатки, безучастное лицо.

— Кевина Донариуса, — добавил он. — Вам туда нельзя, мисс Гриффин. Таковы правила.

— Я знаю, — сказала я.

Но ладонь не убрала.

Потому что за этой дверью — я чувствовала — был не просто хозяин. Было что-то моё.

Потерянное. Забытое.

— Спокойной ночи, — сказал дворецкий и исчез в темноте коридора.

Я убрала руку и пошла в свою комнату.

Ночью мне снова приснился сон.

Поляна. Лес. Сосны в снегу.

И мужчина у костра.

Он сидел на корточках, лицо скрыто тенью, но я знала — он смотрит на меня. Глаза — красные, как угли. Руки в крови.

— Ты жива, — сказал он. Голос хриплый, сломанный. — Я убил тебя. Но ты жива.

— Кто ты? — спросила я.

Он поднял голову.

Борода, спутанные волосы, лицо, которое когда-то было красивым — но время и боль стёрли красоту, оставив только страдание.

— Тот, кто любил тебя, — сказал он. — И убил.

— Я не понимаю.

— Вспомни, Миранда. Вспомни Марию. Вспомни Кевина. Вспомни Киану.

— Киану?

— Твоя любовь, — он протянул руку — грязную, в засохшей крови. — Моя боль.

Я хотела сделать шаг вперёд — но проснулась.

В холодном поту.

Сердце колотилось.

На подушке лежала алая роза.

Свежая. С каплями воды на лепестках.

Я взяла её в руки.

Запах — сандал и кровь.

— Кевин, — прошептала я.

За стеной — там, где была комната хозяина — кто-то ходил. Шаги мягкие, неслышные, но я чувствовала их.

Я прижала розу к груди.

— Что ты со мной делаешь?

Ответа не было.

Только тишина и далёкий вой ветра за окном.

И во всём доме — запах роз.

На поляне, за сотни миль от поместья, Кевин Донариус стоял на коленях.

Снег таял под ним, хотя было холодно. Он не чувствовал холода. Тысячу лет он не чувствовал ничего, кроме голода и тоски.

— Маркус, — прошептал он. — Где ты, брат?

— Никаких следов, сир.

Самуэль возник из-за деревьев бесшумно — высокий, чёрный, с дредами, которые покачивались на ветру. Голубые глаза в темноте горели, как у волка.

— Ни запаха, ни крови, ни обрывка одежды. Будто его никогда здесь не было.

— Он был, — Кевин поднялся. — Я чувствую его. Он где-то близко.

— Рид говорит — магия. Ведьмы и охотники.

— Охотники? — Кевин обернулся. — Истинные?

— Врядли. Но Рид нашёл следы их ритуалов. Кровь, пепел, руны на деревьях. Они работают вместе с ведьмами. Зачем — не знает.

— Найди его, — Кевин сделал шаг в сторону Самуэля. — Я даю тебе три дня. Если за три дня ты не найдёшь Маркуса... — он не закончил. Не нужно было.

Самуэль склонил голову.

— Будет сделано, сир.

— Рид! — крикнул Кевин в темноту.

Колдун появился из ниоткуда — шагнул из тени, как из двери. Светловолосый, коротко стриженный, с кулоном на шее и кольцами на пальцах. Глаза — светлые, почти прозрачные — смотрели на Кевина без страха.

— Я здесь, господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.